

альманах
ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

Тарту 2006

Альманах «Воздушный змей»

Издание лито «Воздушный змей», Тарту, Эстония

Редактор и составитель: Игорь Котюх

Спонсор издания: Eesti Kultuurkapital

Типография: Bookmill, Тарту, Эстония

© Алька, Игорь Котюх, Татьяна Лаврова, Ирина Мелякова, Даниил Попов, Регина Проскура,
Владимир Сазонов, Doxie, Green S. Key

© Берк Вахер, вступление

© Марек Аллвез, художественное оформление

© Tuulelohe – Воздушный змей, 2005

ISBN 9949-13-502-8

EESSÕNA TUULELOHE ALMANAHHILE

Berk Vaher, kirjanik

Tavatarkus adub kirjanikku kellegina, kes oskab alati õigeid sõnu leida. Sõnu, mis end kaugeltki igaühele kätte ei anna, ent ilmsiks saades tunduvad ometigi enesestmõistetavad.

Kuid kas pole enesestmõistetavus õigupoolest kirjaniku suurim vaenlane? Usus, et on olemas vääramatult õigeid sõnu, võib varitseda sõna surm. Teiste sõnade surm – nende, mis ühe vääramatuna näivast õigsusest lämbuvad.

Õnn on omada keelt, mille elus hoidmiseks töötab kogu riik – vähemasti paberil. Õnn on omada lugejaid, kelle jaoks loetud sõnad aitavad rahvusel kesta – vähemasti alateadvuses.

Ent kes on autor keset seda õnne? On ta keeles vabam kui seadusandluses – või veel hoopiski kammitsetum? On ta lugejaile inimene, kes aitab neil inimesteks saada – või vaid riigiametnik, kellelt nõutakse kvaliteetset klienditeenindust, mis minimeeriks argikohustuste tüütust?

Eestivene kirjanikud on ehk kõik nagu lohed tuules – mitte vaid need, kes on end rühmakesi võtnud Tuuleloheks nimetada. Mis aaret on neil valvata? Vene keelt ja kirjandust? Eesti keelt ja kirjandust? Või ainuüksi oma vabadust, vabadust keele ja identiteedi valikul?

Seda võiks neil (tunnetatud) paratamatusena ju olla rohkem kui kohe ja alatiseks eesti keelde sündinud ja kasvanud eakaaslastel, kellele on sõna “vabadus” korratud nii palju, et nad vabadusse heidetult selle jäägitult ära kulutavad – et mõne teise megakultuuri vangidena taas igatseda. Ning ei olegi lihtne teada saada, kui palju on Tuulelohel vabadust – seda ei sõnastata keele piirideni ja üle piiride ära, vaid hoitakse kiivalt, loovutades sõnadele sageli vaid seda, mis elus või kirjanduses on juba väärtuslikuks osutunud.

See võib tunduda estetismina, konservatiivsuse, ehk epigoonlusena. Ent milleks anda veksleid selle kohta, et ollakse kõigest senisest määratult erinev? Nii paljud noored eesti autorid on seda teinud, jättes ajapikku vekslid katteta. Tuulelohe autoritel pole vaja karta, et nad ei kasvagi “teistsuguseks” – nende identiteeti on hübriidsus ja muutlikkuski juba sisse kodeeritud; OMA keel avaldab end ise, kui oma keeles edasi liikuda.

Kas eesti noored autorid enam oskavad kirjutada, ootamata/nõudmata kohest tunnustust ja imetlust, staatust ja staarlust? Kas nende kujutlus küllusest on jäädavalt rikutud?

Samavõrd kui teist keelt on Tuulelohel pakkuda teist kirjutamist – teist kirjanikuks olemist, kirjanikuks saamist. Selle külluseihalus on suunatud mujale, see nõuab oma sõnade eest muud. Sellest on enesestmõistetavustega harjunuil küllaga õppida.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АЛЬМАНАХУ «ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ»

Берк Вахер, писатель

Простая мудрость определяет писателя как того, кто всегда умеет найти правильные слова. Слова, которые даются далеко не каждому, и которые, обретая контуры, становятся естественными и понятными.

Но не является ли подобная естественная понятность наибольшим врагом писателя? В уверенности, что существуют безупречно правильные слова, может таиться слово «смерть». Смерть других слов – тех, которые от одной кажущейся безупречной правильности чахнут.

Счастье владеть языком, над сохранением которого трудится целое государство – по крайней мере, на бумаге. Счастье иметь читателей, которым прочитанные слова помогают сохранять нацию – по крайней мере, подсознательно.

Кем тогда является автор среди этого счастья? Где он более свободен – в языке или законодательстве, а где, наоборот, более связан? Является ли он для читателей человеком, который помогает им стать людьми – либо чиновником, от которого требуется качественное обслуживание клиентов, позволяющее сократить рутину повседневных забот?

Эстонские русские писатели, как птицы на ветру – не только те, которые объединились в группу «Воздушный змей». Какое сокровище им охранять? Русский язык и литературу? Эстонский язык и литературу? Либо только собственную свободу – свободу выбора языка и идентитета?

Этого могло возникнуть у них как осознанная или неосознанная необходимость и большая, чем у раз и навсегда рожденных и выросших в эстонской языковой среде сверстников, которым слово «свобода» повторяли так часто, что, будучи брошенными в свободу, они без остатка тратят ее – чтобы снова почувствовать себя пленниками какой-нибудь мегакультуры. И не так-то просто выяснить, сколько свободы у «Воздушного змея» – об этом не говорится в пределах и вне пределов языка, но ревниво охраняется, отдавая словам только то, что в жизни или литературе доказало свою ценность.

Это может показаться эстетством, консерватизмом, и, быть может, эпигонством. Но зачем обязательно раздавать векселя, обещая нечто совершенно новое? Многие эстонские авторы поступали так, в дальнейшем не покрыв векселя. Авторам «Воздушного змея» не нужно бояться, что они так и не станут «другими» – гибридность и даже переменчивость уже закодированы в их самосознании; СВОЙ язык проявляет себя сам, если двигаться вперед внутри своего языка.

Умеют ли эстонские авторы еще писать, не ожидая / не требуя скорого признания и восхищения, статуса и звездности? Либо их представление о довольстве окончательно испортилось?

Подобно другому языку «Воздушный змей» предлагает другое письмо – другое пребывание в роли писателя, другое становление на пути писателя. Его жажда удовлетворения направлена в другую сторону, она требует за свои слова другого вознаграждения. Этому, привыкшие к естественной понятности, могли бы поучиться.

ДАНИИЛ ПОПОВ

То ли вечер, то ли ночь. На карту
Слезы капаят. Погас почти последний
Город – то ли Вена, то ли Тарту,
То ли Берн. А я пропал бесследно
Из воспоминаний миллионов,
Но попал в твои воспоминанья.
Где ты, солнце? Где твоя корона
Спутанных волос, твои желанья,
Мысли, голос, локти и колени?
Где ты, над какими городами?
Все в масштабе – дальше и больнее.
Капля. Город гаснет вместе с нами.

Вы где-то там справляете ДР,
забыв меня – опального поэта,
спаленного на солнце, я про это
пишу сонет – один в своей дыре.

Все так понятно, я не Жан Марэ,
не знаю модных западных куплетов.
Вы – девушка, вам проще этим летом
напиться на смешных 15 рэ.

Я выпил много. Многими любим
когда-то был. Но вами вот ни разу.
И нечего ругать судьбу заразу,
что «все мечты растаяли, как дым».

Лоб напекло. На солнце нету пятен.
Намек мой вам, надеюсь, не понятен.

Не бешенства ради, а бешенством ради
Пишу тебе эти крикливые ноты.
Экспромты, стихи из зеленой тетради.
Кричу тебе в окна до кашля, до рвоты.
Теплей ли под крышей тебе, под одеялом,
Чем мне? Я стою на сыром тротуаре.
В свое отражение ты смотришь устало.
Я рву своим взглядом летящие стаи.

ПОДРОСТКОВОЕ

Вышиваньем на венах простят нас врачи.
Зажигает весна, прилетели грачи.

Потекла, потекло. Принесите мне штоф.
Не течет ничего из застеганных швов.

Застегните мне душу – мне некому петь.
Запахните окно – не могу я смотреть

На косые глаза захмелевших божат.
Ни кому не должник и ни чем не богат.

Никому, ничего, никуда, никогда.
Только в стенах своих в одиночку «Агдам».

В одиночку, как лезвие острым смычком –
Взрезать струны, чтоб взвыли и сразу – молчком.

Из-под взрезанной кожи зияет любовь,
Та, что часто рифмуют со словом «любовь».

Нищета. Мешанину из терпких слов
Поднимай с тротуара, неси их в дом.
Хватит их для щербатых, хмельных голов.
Мы со слова по нитке язык пришьем.

Вереницы неверных гражданских жен,
Острых запахов, сырости, сквозняков.
За чувствительность мысли своей отмщен.
«Гадом буду!» – Будь! Будь всегда готов.

Будь готов нашептать на себя за всех.
Будь готов ошетиниться. Ни черта
Не простят тебе. Только скользкий смех.
Только гарь, только пыль, только Ни-ще-та...

Я был бы поэтом,
Если б не было столько алкоголя.
Я писал бы стихи, а не прозу,
Стал бы в позу,
Чтобы не было больно.
Чтобы не было страшно,
Бил бы наотмашь. Но
Что-то седое теплится в сердце,
Седее, серее, чем время,
Страшнее и злее, чем детство.

Чтоб души не осталось ни сколько,
чтобы разуму было кромешно.
Люди пьют потому, что горько.
Я люблю потому, что ты женщина.

Ухожу потому, что есть дороги,
и еще потому, что тесно,
потому, что дали немного
мне на жизнь времени и места...

– В конце концов не так уж страшно –
Открыл окно и полетел.
В какую сторону не важно,
У неба тоже есть предел.
Я там, в чернеющих пустотах,
Птенец взлетевший из гнезда...

– Какая разница мне, кто ты?
Гори, гори, моя звезда!

РЕГИНА ПРОСКУРА

ЛЮБЛЮ

За графоманство, за писанину
Себя ненавижу,
Тебя – люблю.
За месяц нехватки адреналина
Стыжусь, бездарно-актерски
Скорблю.
За выдержку, силу, безумную волю,
За смелость смотреть
В глаза. Люблю.
За то, что играла бездушную дуру,
За взгляд отведенный
Медаль. Пропью.
За то, с каким тостом стакан поднимаешь,
За то, что спиваюсь одна,
Люблю.
За то, что успешно меня забываешь,
Себя ненавижу,
Тебя – люблю.

Я без тебя настолько не могу,
Насколько ты не веришь в Бога,
И каждый раз, когда к тебе иду,
Мне кажется нехоженой дорога.

Со всех сторон суровы голоса,
Но мне осталось ждать немного.
Туда, где птичий гай и небеса,
Мы улетим от городского смога.

На небе ровном лунная тропа,
Стоишь пред заколдованным порогом.
О, как недостижимо близка
Та, что уснула под твоим пологом!

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Погода? Погода хорошая.
Сама? Живу как-нибудь...
Что говорите? Вы тоже не пьете?
Да, и я хочу бросить курить.
В холодильнике? Мышь повесилась.
Да что вы, какая любовь!
Нет, просто работа, дела, хлопоты...
Мне? А это приличный вопрос?
Нет, не скрываю. Уже 35.
Что, для вас уже слишком старая?
Конечно. Ой, ребенок кричит опять...
Что? Вас интересует? Сбежал он.
Алименты? Да кто в наше время!..
А с кем говорю я вообще?
Ах, просто ошиблись номером...
Ну, давайте, звоните еще!

И вот настало это время –
Все сыро, мерзко, все дожди.
Эпоха глупости и лени,
В запое боги и вожди.

И даже музы не по теме
Лопочут на ухо стихи.
К моей же творческой эмблеме
Они то слепы, то глухи.

И на душе тоскливо млеет
Иссохший червячок любви,
А вдохновенье вяло тлеет
У грязной лужи. Се ля ви.

ПОДРАЖАНИЕ ВЕРЕ ПАВЛОВОЙ

Хлопок по заднице,
По круглой и большой.
Любовь, компот,
Вино и домино.
Какая, к черту, разница,
Что там у нас с душой.
Рука, коленка, пот –
Уже не раз, давно.
Я думала, с ума сойду,
А вместо этого с тобой
Кончила.

А профиль-то мой –
Аристократический,
Да путь другой –
Педагогический.
Плясала б коль –
Была б дворянкою,
А так пашу –
Крестьянкою.

GREEN S. KEY

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

Мы с тобою, мы с тобою
Как Ромео и Джульетта.
Заколи себя кинжалом,
Выпью яда я грамм двести.
Кровь закусим поцелуем,
На прощанье взгляды взвесим –
КТО КОГО любил сильнее?
А потом поедem к морю –
Там на дне дышать счастливей!
На губах танцует лето,
Листья шелестят весною.
Как Ромео и Джульетта,
Свяжем мы себя с собою.

...приделаем руки Венере Милосской!
Какой замечательный акт вандализма!

СТИШОК О ДЕЛАХ

Ах, как-то мне скверно,
не знаю, в чем дело.
Быть может луной
на излете задело...
Быть может случайно,
а может – за дело.
Хотя, если честно,
какое мне дело?

НЕПРАВИЛЬНОЕ ХАЙКУ

Печаль моя светла...
А до тебя – как до звезды –
всего лишь взгляд один...

DOXIE

ЛЮБОЙ ПОЭТ

Любой поэт – увы, Мамай.
Он подожжет, не разобравшись,
И дом чужой, и снег вчерашний,
И самый трепетный роман.

Любой поэт – увы, Батый.
Стрелу он пустит в вашу спину
И процедит с довольной миной:
«Давай-ка перейдем на «ты»!»

Любой поэт – увы, двулик.
Он воспоеет, потом обгадит
И улизнет в цветном наряде,
Донельзя высунув язык.

Любой поэт – увы, пиит.
Ему, увы, не отомстится.
Его не клюнет злая птица,
А только взглядом оскорбит.

Любой поэт – увы, любой,
А вы – конечно же, ЛЮБЕЕ –
Поэту возражать не смея,
Взорветесь с ним наперебой.

СМЕРТЬ УЧИЛКИ (АВТОЭПИТАФИЯ)

Так день начинался унылой училки –
С чесотки в ноге или с боли в затылке,
С мечтою, что жизнь ее снова не кинет...
Так день начинался... и кончен отныне.

«Свеча отгорела, погода прекрасна», -
Кряхтела училка, и стало ей ясно,
Что день начинался, ничуть не кончаясь
И ей совершенно не предназначаясь.

И вдруг осеклась... а «сидишка» играла
О том, как училка насквозь вымирала.

TEMPORAMUTANT

Пожухший от рутины Дон Кихот
С лотка сосиски в тесте продает.

Навряд ли к новым подвигам готов, -
Вот и стоит, доколе не попросят.
Когда-то он ловил Горячих Львов,
Теперь пасет Теплолюбивых Мосек.

А те устроили бесстыднейшие танцы,
Кричат: «А ну-ка, в булочку залазь!»
Напрасно их страшит Санчо Панса
Двойною порцией горчицы «Выви Глаз».

Кого угодно доведут до рвоты:
«Мы – ДОГИ, но не ХОТЫ, а КИХОТЫ!»

Шипит и огрызается хот-дог,
Как Лениным не принятый ходок.

ЭНТОМОЛОЖЬ

1. Пчеленин

Пример грядущим поколениям –
Трудолюбивейший ПЧЕЛЕНИН.

На зорьке он обурекает
Цветочек всякий – мил, не мил –
И в бюст КОМАРКСИКА влетает
Он от избытка внешних сил.

А лирик, ВООПЧЕ ЛЕНИВЫЙ,
Жуковский, угодивший в Сеть,
Мусолит день в перепрорывах,
Забыв Пчеленина воспеть.

2. Из жизни на

Чапай гоняет Пустоту,
Размахивая Че.
А насекомых много тут.
Живут себе ВОПЧЕ.

С них сто седьмой стекает пот
(Всего седьмой – пока).
Из кожи вылезают от
Рассвета до звонка.

Какая истина, скажи!
Какой ВЭЛИКИЙ ПЭСНЬ!
Жить, как А.Солже, не по лжи
Отчасти можно здесь.

Весь мой развинченный дефолт –
Попытка закосить.
Я трутень мерзкий, трудофоб,
В качель меня, тудыть!

Тудыть, где зреет Пустота,
Где чавкает Ажур,
А насекомых много там...
Вот я им покажу!

ЯПОНЩИНА

(Сочинение отставной гейши Тоти-Моти)

1) Кусает иней хризантему
И очень прочие цветы.
Мне предложи другую тему –
Я перейду с тобой на «ты».

*(А не предложишь – фиг тебе, никаких брудершафтов!
Кстати, а как брудершафт по-японски?)*

2) В снегу застряла обезьяна
И жрет опавшую хурму.
Мне предложи напиться пьяной –
Я подойду и обниму.

(Тебя, а отнюдь не обезьяну, дурак ты этакий!)

3) Журавль мечтает стать синицей
И утопляется в пруду.
Мне предложи остепениться –
А я обижусь и уйду!

*(А водятся ли в Японии синицы? Простите, если что не так,
господа орнитологи!)*

КАСТРИ ПРИ,
То бишь кастрированный призыв

Как птица Фе,
Восстать из Пе.
Из сонма зол
Отмерить Ме.
Пусть небосвод
Покрылся Ту.
Пусть ветерок
Под юбку Ду.
Пусть соловей
Замучил Ро,
Пусть баба вновь
Упала с Во.
Но как ты жить
И верить Бу,
Когда вокруг
Такая Пу?!

МУМИЯ

Я – дамочка извечно средних лет
И, вроде бы, не выгляжу чумичкой.
Но возраст мой, как ни крути скелет,
Бальзаковский – нет, лучше, БАЛЬЗАМИЧНЫЙ.

А ведь когда-то делались дела.
Пощечин отроки навешали Вселенной.
Я девушкой тургеневской была –
Вернее, ребятенком ДУРНОГЕННЫМ.

Куда девалось все? Коту под хвост?
Или с годами сделалось дороже?
Ведь возраст мой, как ни дави его,
НепреХОдящ – нет, лучше, непреЛОЖен.

МОНОЛОГ ОДИНОКОЙ ЖЕНЩИНЫ, Без пяти минут растения

Ах, если можно было бы родиться
В стране, где нет микробов и глистов,
А здесь заражны все... и мне уже за тридцать.
Мне скоро надобно переходить в цветок.

Вот старомодный и уютный фикус.
Ему к лицу стук ходиков и сон.
Его ввести в смущенье – накось выкусь!
Непробиваем и спокоен он.

А может быть – герань? Она мещанка,
Ее морозом фи́га с два убьешь.
К ней полагаются гитары звон и чарка,
Плач поутру и длительный картеж.

Нет, превращусь я в кустик апельсина.
Он – как и я: до первых холодов,
А там скукожится, рассыпавши бессильно
Цветочки для невест и юных вдов.

Им флердоранж когда-нибудь сгодится
Для новых свадеб... Ну, а мне плевать
На их восторги, – мне уже за тридцать.
Мне скоро надобно ботаникою стать.

В ОБЩЕМ, КЛАССИКА

Будьте герпесом на губах
Или кнопкой для мягкого места.
В общем – классикой. Может – Бахом,
Может – «бухом», и что нам трезвость!

В общем, так. От обид бухие,
Архетипчики мы прокиряем,
Ибо классика – это стихия.
Значит, ей мы – не доверяем.

И распивочно, и навынос
Мы выходим в тираж, будто кварталы.
В общем, так. Мы опять допрыгались,
Дорыгались до авангарда.

ИГОРЬ КОТЮХ

В СТИЛЕ РЕТРО

Город снова занят собой – ему бы только играть в машинки. Начхать на прохожих, на кусты вдоль обочин. Забыть про часы. Ему бы только волчок заводить – мельтешат без причины ночи и дни, ночи и дни. Зараза, болото. Панельные дома напоминают ребра домино. Дом 2, квартира 5, напротив – 5 и 2. Алгебра. Игра. Почти полтыщи лет назад некто Магеллан открыл Мадагаскар, а заодно и нас открыл – существ, перебирающих под ногами шар. Отсюда эта страсть к движенью, магическое *citius* и жизни марафон. «О, как это было давно». Чем дальше в лес, тем ближе финиш. Мода и эпоха больше не друзья. Прошли битлы, забрав красавицу Мишель, пропала абба с Ватерлоо. Чего разнылся? Ничего. Немного странно замечать, как быстро шлягер из ТОР 10 становится обыкновенным ретро. Недолюбили? Давай по новой зажигать. Посмотрим сагу про «Титаник». Давай, ты будешь Роуз, а я – твой Мартин Иден. Чихать, что городу чихать.

ПОБЕГ

В любви нет логики, но есть интуиция,
которая сквозь дебри людей и дерби событий
ведет к сближению молодые сердца. Им
суждено слиться вместе, ибо бежать от судьбы
(то есть от Бога) не менее глупо, чем убегать
от себя. Мы живем за стеклом, потому что
«все открыто и обнажено перед очами Его».
Смущаться и спорить здесь бесполезно.
Мы живем за стеклом – значит, наш дом
может разбиться. Выходит, счастье зависит
от внешних сил. Быть цветами в вазе
лучше, чем узором на ней. Контур
примарнее, чем фон. Интеллект примернее,
чем инстинкт. История питает слабость
к гениям, вечность любит простых. Мне
хочется быть и тем и другим. Нелепо.
Чтобы любить поэта, нужно быть чуточку
чокнутым. А интуиция не подведет.

НЕОБЯЗАТЕЛЬНО

Ехать на красный свет.
Брать деньги в долг.
Возвращаться поздно домой.
Ходить по комнате взад-вперед.

Дразнить чужих детей и собак.
Икать и хрустеть позвонками.
Подолгу молчать, ничего не есть.
Умирать каждый день.

ЭССЕМА О ЛИТЕРАТУРЕ И СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Бывает: начнешь выстраивать в ряд слова, и хочется заниматься этим бесконечно долго, тянуть от края до края предложение за предложением, но неизбежно сталкиваешься при этом с вопросом формы, ибо в стихотворении наматывать километры можно только по спирали, и содержание переходит на новую строчку. Это обстоятельство роднит поэзию с прозой. Разница в том, что в повести такое подчинение происходит добровольно, а в поэме – насильно. Итак, свобода условна.

Продолжу. Мне не дает покоя мысль, что поэзия и проза кроме своего первого значения по словарной статье, являются еще и метафорами. Проза указывает на будни, поэзия на праздники. Что же происходит? Наибольшая концентрация мысли приходится на веселье? В то же время, выпустить роман почетнее, чем сборник стихотворений. Получается, стабильность превыше всего. С другой стороны, за отвагу на фронте дают медали. М-да, жизнь условна.

Если свобода и жизнь условны, тогда понятно, почему счастье ненадежное, как плюшевый мишка. Условное не может породить абсолютное. Об этом говорит и природа: человек предпочитает правильные формы, Абсолют стремится к эргономии. Сравнить: автомобиль и скакуна, дом и дупло. Я думаю, что вещный мир еще долго будет оставаться неуклюжим. По крайней мере, деревья на ветру и облака на небе мне говорят об этом.

Не умея делить пространство, нам неудобно жить. Время норовит каждый раз перескочить на новый день, месяц, год, ряд. Как строчка в стихотворении или прозаическом опусе. И только нам решать, каким смыслом наполнять этот текст до следующего витка. Каждое утро позволяет начать все заново. И продолжение не менее важно, чем начало. А каким красивым было начало: когда живой комочек извлекли из утробы матери на божий свет. Итак, жизнь и свобода условны, а цель ясна.

ЭССЕМА О НОСТАЛЬГИИ

Скучаю по ручке и клавиатуре, скучаю по свободной минутке, по сну, по любимой, которой не встретил. Скучаю по дождю в летний зной и по солнышку в пасмурный день. Скучаю по миру в себе и злюсь, когда время стоит. Я родился в Советском Союзе, и видел, как Эстония стала дочкой Европы. Я не знаю, какое детство мне вспоминать, и потому не решаюсь мечтать и планировать.

Калякаю стихи на кириллице, их читают в Карелии на финском языке. Мои родители, а также их родители говорили на русском или белорусском, эстонском, сету или украинском. Чем не Вавилон? Если язык это часть культуры и большое богатство, тогда наша семья достойна иметь как минимум дворянское происхождение и общаться с банкирами. Хотя на деле, мой отец тракторист, а мать – швея.

Монотонный труд прививает особое отношение к праздникам: они бесконечно желанны, но вызывают чувство пустоты и разочарование. Поэтому, наверное, мне нравятся открытые террасы при фешенебельных отелях, когда на столиках мерцают свечи, в динамиках играет супердиско, вечер, дождь уgomонился, блестят от влаги пол и стулья, голый зал, и безысходность прячется в тенях.

Скорбь и восхищение! И между ними – ничего. Как бутерброд без масла. По бедности не выбирать. Так возвращаемся в начало, в детство, к социальным штучкам, политике, правам. К питанию и здоровью, к планам и мечтам. К противоречиям в сердце, и вне его. И трудно, почти что невозможно выйти невредимым из этой суматохи, родной и чуждой, с тем, чтобы однажды в иную жизнь войти.

ПИСЬМО МАЛЕНЬКОГО МАЛЬЧИКА

1.

Мама, я так устал от сегодня, что хочется сразу в завтра. Неоригинально? И пусть. Просто прогресс доконал. Электронная музыка, муза по расписанию, постмодернизм... Какой-то кукольный театр! Только нитки кругом. Пусть невидимые, но какие тугие! Скажем, набрал в поисковом окне свое имя – и видишь свои работы и работы о себе. Люди как роботы: строят имидж, куют контекст. А мне хотелось бы побыстрее увидеть конец этой пустой постановки. Я все думаю, когда люди станут срезать полупрозрачные путы, которыми опоясан свет, наиграются вдоволь в киборгов и терминаров, и станут добрыми как милашка ди Каприо? И почему выживают сильнейшие? Сильным вряд ли нужны закаты или янтарные камушки. Но ведь кто-то оставил их для людей. Хотелось бы думать, что и для меня. Правда, хотелось бы.

2.

А может, проще вернуться в детство?
Я – не против. Помню, просторные луга
на Украине, руки бабушки, кузнечиков
и бабочек, ягоды и яблоки, запах жженого
асфальта, пруд и пескарей, котенка Роки
и собаку Ладу, продавщицу Лиду, печку,
гречку из горшочка, сырость в хате, где-то
рокот мотоцикла, радиоконцерты по заявкам.
Ну, или мох в лесу эстонском и лукошко,
прохладный воздух, баню, рубашки, пахнущие
солнцем. Мама, как было хорошо! Я убежал
во двор и не смотрел на время. Наверно,
в этом что-то есть. Вот и теперь – я успеваю
на свидания, когда часы нарочно оставляю дома.
Ох, мама, мама... Я вырос, а все такой же
фантазер. И, если честно, ничуть об этом
не жалею. Да, мне немного тесно. Я до сих пор
наивный, уязвимый и скучаю очень. Зато
мне в будущем и прошлом интересно.

ОТВЛЕЧЕННО

Вечер закончится вопросом «прикурить не найдется?» Спальный район и пьянь – как одна семья. Чуть раньше – камин в частном доме, картины, беседа о театре. Шумные дети, пушистый кот засыпает на телевизоре... Скоро июль, а солнце где-то пылится на чердаке. Дорога назад и дорога вперед одинаково наивна. Прошлое принято идеализировать, будущее – преувеличивать. Тебе нравится разглядывать из окна дворики. Мол, пейзаж дополняет портрет. Дождь и печаль на холст просятся. Нечаянно ничего не хочется. Мороженое с фруктами стоит на столе.

ДЕВУШКА С ОБЛОЖКИ ЖУРНАЛА

девушка с обложки журнала
стоит напротив
универмага
черные волосы
красная челка
говорит о чем-то
с молодым человеком
строит глазки
кривит губки
хорошая девушка
нехорошая
вечером пойдет с другим на танцы
утром была сама на пляже
загорала
без купальника

девушка с обложки журнала
я не могу понять
где у тебя голова
а где хвост?

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Еще один день уходит, в дверях его не задержать,
уходит в прошлое, в безмолвную историю,
уходит вдаль, куда глаза глядят.

Уходит время, своей дорогой,
а утром дети помчатся в школу,
и родители на работу пойдут.

Время идет вперед?

Нет! Люди спешат на восток,
время – напротив – налево.

ИРИНА МЕЛЯКОВА

Самый нежный стих я тебе хочу подарить,
как созревший цветок одуванчика сдуну с ладошки.
Как бродяга прячет в руках драгоценные крошки,
обещай его трепетно и аккуратно хранить.

НЕ МОЕ

Струится грязными ручьями наша весна,
вечно юный город замирает по воскресеньям.
Настроение ржавого цвета, как на волосах хна.
Не простившись и не уехав, задумываюсь о возвращении.

Пессимистичные нотки совершенно мне не к лицу.
Кто поможет разобраться, к какому же точно НЕ?
Сумасбродное безрассудство (бывает такое?)
подтягивается к концу.
Вновь о себе написала, а хотела о нашей весне...

Во время разговора по телефону
я вывожу ручкой на бумаге странные фигурки,
они не значат ничего.
Я обвожу их много раз.
Во время неприятной беседы
я вспоминаю мелодию.
Она не значит ничего,
я прокручиваю ее в мыслях снова и снова.
Во время наших встреч
я отвожу глаза.
Это не значит ничего.

Так, как галочкой отмечают выполненное дело,
я отметиться в жизни твоей захотела.

Не подумала, не проверила,
позвала, привязалась, поверила.

Так, как бабочка прилетает на цветущее поле,
я спешила к тебе, я просилась на волю.

Необдуманно, непредсказанно,
обрела – потеряла. И праздную.

ПЛОХАЯ ПОГОДА

На лобовом стекле танцуют дворники
экстравагантный танец в стиле ча-ча-ча.

Мы вновь затворники, любви своей затворники,
все получилось глупо, непонятно, сгоряча.

Жизнь продолжается, ты слышишь, продолжается –
весенний ливень сменится жарой.
А мы прощаемся, мы навсегда прощаемся...
Я буду счастлива, но только не с тобой.

Продувает насквозь
сквозь щели в окнах.
Я почти оглохла!
Бог мой!

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

Отворила окно, приоткрыла двери.
Заходи и властвуй, слышишь?
Подарил оковы, преподнес доверие.
Не губи, умоляю! Лишний!

Трое.
И разрушена Троя.

*Осенний вечер в скромном городке,
гордящимся присутствием на карте... (И.Б.)*

Напоминанием о тебе дышит мой сегодняшний вечер.
Он уютно-печален, укрывшись под пледом осени.
Меняю чувства, как деньги фальшивомонетчик.
Нежность тает, звеня свербящими отголосками.

Как фарфоровый чайник, берегу свои впечатления –
слишком хрупкие части, разбивши, не соберешь.
Словами рисую сумбурные откровения,
похожие больше на правду, чем на желанную ложь.

НОЧНОЕ, БЕСФОРМЕННОЕ

Прикрываясь темнотой, я прячу глаза. Мне нужно о многом тебе рассказать. Где тебя обрести? Не знаю.

Я прошла по воде. Я прочла о тебе. Протяни свою жизнь на ладони. Бессмысленная агония. Запомнив каждый восход совместный, мне в этом городе мало места. Тесно. Паутинками мысли, остыли от смысла, раздробила себя на части. Отчасти. У нас разные боги, параллельны дороги. И совместных не будет причастий. Ненастье. Порицая улыбкой, смущая ошибкой, рассекретил границу интимности. Погрущу и поплачу, приду, наудачу, попрошу хоть немного взаимности. Совместимости.

Он поцеловал родинку на моем мизинце, я пришила ему оторванную пуговицу. Вместе пололи морковь, ловили в пруду головастика. Разговаривали на разных языках.

Так мы строили свою Вавилонскую башню.

АЛЬКА

АВГУСТ

Август горчит почти по-осеннему:
Лету осталась только неделя...
Сыпет листвою наш парк рассеянно,
Время нельзя переделать.

Птицы летают большими стаями,
Значит не долго им и в дорогу.
Горстями в листья рябинки впаяны –
К ярой зиме их будет много.

Ночью, от дремы в прохладу кутаясь,
Ходим на речку смотреть на звезды,
Что с небосвода слезами мутными
Падают в птичьи пустые гнезда.

НОВЫЙ МИР

Сегодня повторяем мы слова,
А после – и характеры, и судьбы...
Стареет мир, но так же в нем жива
Слепой любви простая безрассудность.
И так же старики на молодежь
Ворчат, но чаще «для порядку».
И так же девкам замуж нестерпим,
А после, в бабах, слезы льют украдкой.
И этот вечный ветер перемен –
Пугает всех, но кажется занятым...
Мир новый вырос старому взамен,
А что в нем изменилось – непонятно.

ДРУЗЬЯ?

Нам вежливость предписана с тобой,
И дружеские крепкие объятья.
Ты слушаешь мой вечный вздор про платья,
А я – твои рассказы про футбол.

И жаловаться, в общем, не резон,
Хотя улыбки даришь ты небрежно.
Но дружба исключат нежность –
Лишившись благ, мы избегаем зол.

И все-таки мне хочется порой
Тебя зачем-то сильно по лбу треснуть,
Особенно когда твои невесты
Зовут тебя «влюбленный Чайльд-Гарольд»!

БАБА-ЯГА

И вовсе она оказалась не злой,
Ворчит только... – старость не радость.
«Подит-ко, тропинки опять развезло»,
«Совсем покосилась ограда...»
«И кровлю слатать не найти молодцов –
А раньше отбою не знала...»
Да что там, когда было гладким лицо,
А косы на ленточках алых,
Все в мире казалось залогом добра,
А жизнь – непременно сказкой...

И сказка нашла ее в сени дубрав,
Да славу дала не за ласку...

GREEN S. KEY

НЕмое кино

Прозаические кадры-миниатюры

КАДР ПЕРВЫЙ: Автобус

*Все они до единого антимузыкальны.
А стало быть, ни в чем не правы.
Цветочки не любят.*

Венедикт Ерофеев

Я ехал в автобусе, и все вокруг казалось каким-то нереальным. Я стоял между первой и второй дверью, лицом к спинкам полудюжины сидений, на которых расслаблялись представители поколения «давно уже за». Повернутые ко мне затылки следили глазами за дорогой. Назад я предусмотрительно не оглядывался: слишком много там было глаз и взглядов. Мои же старички сидели спокойными рядками, не досаждая мне ни одним глазком, что и делало все вокруг каким-то нереальным. И мне никак не удавалось понять: или они на самом деле так нереальны или просто я обкурился.

Цветы, появившиеся у дилеров пару дней назад, серьезно расширили стандартные рамки обкуренности местной психоделии. Чувствуя себя НАСТОЛЬКО трезво-нормальным, каким не бывал даже в младенчестве, человек ощущает себя абсолютно невменяемым, что полностью примиряет его с собственным существованием. Но он остается способным на достаточно связанные гениальности и фиксацию определенных словоформ, которыми и является данный текст. В общем, все довольны. Мораль и гласность спят.

Не выходили из головы ерофеевские цитаты из прочитанной вчера «Вальпургиевой ночи». Ну, оно и конечно: весна, птички летят, как головы с плеч. Это вам не водку пьянствовать.

Выйдя из автобуса за остановку до центра, я быстро пошел вдоль реки, обдуваемый теплыми потоками мыслей и апрельского сквозняка. Шел, чтобы никогда не останавливаться...

КАДР ВТОРОЙ: Город

...Перевернутые рюмочки женских фигурок, неслышно чокаясь друг с другом куполами бедер, дружно прогуливались вдоль набережной, залитой жарким майским солнцем. Быстрое, но тягучее, как мазь течение реки равнодушно облизывало серые камни берегов, речной причал и леденцы старых лодок, исчезая вдаль ленивым изгибом.

По широкому пыльному шоссе, отделенному от воды пестрым лоскутом газона, проносились глянцевые капли новеньких автомобилей. На башне ратуши часы пробили полдень с четвертью.

Возле горбатого, классически уродливого моста, бледной радугой переброшенного с одного берега на другой, располагались свежеокрашенные белые деревянные скамейки, окруженные тенистыми деревьями и аккуратными тропинками из квадратных каменных плит. Свободное пространство парка было плотно заполнено празднично шатающейся молодежью, освободившейся из душных бутылей учебных заведений. «Ш-шлепс-с!» – дружно кричали пивные пробки, взлетая высоко над головами и позволяя доселе томившемуся под ними содержимому, пенясь, переливаться в не менее утомленные ожиданием желудки бурно веселящихся парней и девчонок.

Станный это был город. Станный, если не сказать жестче. В самом его сердце некогда располагался островок, наподобие маленького Манхэттена, но практически никто из аборигенов не осведомлен об этом факте. Для них город – монолит, разрезанный рекой на две приблизительно равные части. А от Манхэттена осталось лишь название бара.

Далее. Почти никто не подозревает, что главный городской парк, с висячими мостами, фонарями и бесчисленными спусками и подъемами, возведен на месте руин прежнего, некогда богатого торгового города, погребенного под толщей земли и забвением, со всеми бастионами, крепостными стенами и чьими-то далекими судьбами. Хотя, кому это должно быть интересно, правда?

И уж точно почти никто не догадывается, что узкая пресноводная речушка, красавица и гордость города, всего несколько веков назад была полноводной морской рекой, гнавшей свое течение в обратную сегодняшнему направлению сторону, со всеми этими варягами, греками, богатыми купцами и не слишком громоздкими морскими судами.

Да что тут говорить, если даже здание ратуши, не такое уж и древнее архитектурное сооружение, построенное в стиле истинного классицизма, щедро украшено забавной барочной башенкой – гостьей из совсем другой эпохи?

Город – миф, многим известный, но всеми забываемый. Город интеллигентов и интеллектуалов, «сэлф мейд» личностей, которые кроме самих Себя не сделали в этой жизни фактически ничего. Город саморефлексии и скрытых шизофреников. Город, по части мифичности или, если угодно, мифологичности, стоящий на уровне с Питером, но, как справедливо уже было замечено, попросту забытый. Несправедливо.

КАДР ТРЕТИЙ: Встреча

Любой новый штрих мог все испортить. Картина была готова, и любое дополнение было бы излишним вмешательством в работу мастера.

– Привет! Можно познакомиться?

Ее улыбка выдавала смесь легкой растерянности и недоумения.

– Что?! – в тишине весеннего вечера ее голос прозвучал неожиданно звонко.

– Ничего особенного, просто – познакомиться.

Я стоял на берегу реки и, облокотившись о перила, курил, когда появилась она. Короткие темно-каштановые волосы. Обтягивающее, подчеркивающее каждый изгиб ее тела, серо-зеленое платье с нечастыми белыми горизонтальными полосками удивительно хорошо ей подходило. Она улыбнулась.

– А ничего особенного и не получится, я уже приглашена на свидание.

– Ну, можно тебя хотя бы вдоль реки проводить?

Вспышка интереса в темно-карих, почти черных глазах:

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Сергей, чаще – Серый, еще чаще не зовут никак и никуда, я сам прихожу, – пошутил я. – Ты спросила из вежливости или тебе на самом деле интересно?

– Сумасшедший, – откликнулась она. Шаг в сторону. – Мне пора.

– Подожди, а как тебя зовут?

– Н... – Она запнулась, а затем озорно рассмеялась. – Неважно! Ты идешь или остаешься?

Надвигался апрельский вечер, но было еще достаточно светло. Вокруг суеилось множество людей, но я видел только ее. Вернее, только ее я и видел. Она была моей персональной галлюцинацией, частичкой счастья, сотканной из выжженного солнцем воздуха.

Ей было лет двадцать. Невысокая, но очень стройная, скорее даже изящная, как фарфоровая вазочка. И такая же хрупкая. Но в то же время, в ней было столько жизненной силы и энергии, как в цветке, что я невольно залюбовался. – Ты любишь его?

– Что?! – От неожиданности она придержала шаг и едва не упала. – Что ты сказал?

– Ты любишь его?

– Не понимаю, о чем ты, – холодно ответила она, хотя было видно, что она все прекрасно поняла.

– Я спросил: ты любишь его, того человека, к которому идешь на свидание?

Она заметно смутилась и слегка покраснела:

– Это ведь не твое дело, правда? – но в ее голосе не было уверенности.

– Правда, – подтвердил я, – но это твое дело, поэтому я и спрашиваю.

Она растерянно улыбнулась и посмотрела назад, как бы в поисках помощи. Ах, эта ее улыбка! Я был готов тотчас умереть за нее. Или убить. А я шел рядом и причинял ей боль, от которой самого выворачивало наизнанку.

С минуту мы шли в полной тишине. Потом тихо, с хрипотцой она сказала:

– Нет. Не знаю. Может быть... нет, – и как-то беззащитно посмотрела на меня.

Я молча кивнул и пошел дальше. Но она вдруг остановилась и почти со злостью выкрикнула:

– И это все, что ты хотел узнать, да? Кто ты такой? Что тебе нужно?

Было видно, что еще немного, и она топнет ножкой и зальется слезами.

– Мне нужна ты, – как можно мягче сказал я.

Она немного оттаяла и натянуто улыбнулась.

– Ты что, приглашаешь меня на свидание?

– А ты до сих пор не поняла? Оно ведь уже состоялось, это свидание. Ты забыла – сегодня, вечер, река. И ты пришла точно, ни на секунду не опоздав.

– А ты уже ждал, – прошептала она, склонив голову набок.

– Я ждал, – тоже шепотом ответил я и осторожно обнял ее за плечи. Она вздрогнула и замерла, как испуганная птичка.

– Не бойся, – подбодрил я.

– А я и не боюсь, – она посмотрела мне в глаза и улыбнулась.

КАДР ЧЕТВЕРТЫЙ: Одиннадцатое сентября

Террористы заварили кашу. Американцам предстоит ее расхлебать. Весь мир смакует. Манхеттен – тарелка, богато инкрустированная трупам. Шок, испытанный в первые мгновения, к вечеру спал. Хотелось продолжения банкета. Но самолеты не дождь, и не могут падать постоянно. Даже рухнувшая к ночи пятидесятиэтажка ничуть не впечатлила – так, до кучи. Есть предел человеческому восприятию.

Две стодесятимиллиметровые сигареты, подкуренные от летающих зажигалок, быстро истлели и обвалились горсткой dust'a, горсткой праха – в гигантскую городскую пепельницу. Такой смог, что, наверное, не видно крови.

Рухнул не Новый Мировой Порядок. Рухнула старая, вчерашняя вера в безопасное завтра, наивно гарантируемая конвейерными американскими блокбастерами в духе «дня независимости». Палестина ликует, Арафат сдает кровь для пострадавших. На чужих ошибках учимся повторять свои же ошибки.

Полная смятения и ужаса женщина, погибающая на предпоследних этажах небоскреба, надиктовала на автоответчик прощальные слова для мужа. «Я тебя люблю...» От этого спазмы в горле, хочется плакать. «Я тебя люблю...»

Христос, как всегда, скорбит. Аллах, возможно, тоже. Хотя, вероятно, боги здесь ни причем. Просто кому-то надоела дешевая реклама. Сняли новую – десятками любительских видеокамер. Кто-то за нее заплатил, разменяв себя на боль и отчаяние. Кто-то потирает руки, довольный получившимся шедевром. Искусство требует жертв.

Когда победит Восток и последние христиане погибнут в священном огне джихада под крики «Аллах Акбар!», детям на ночь будут рассказывать красивые сказки о серебряных крыльях Аллаха, своею тенью закрывших свет солнца от полчищ неверных и поразивших вражескую цивилизацию в самое сердце, пролив очистительный огонь на головы нечестивых...

КАДР ПЯТЫЙ: Котенок

Он появился так: молодой, хорошо одетый человек вылез из сочно-коричневого кожаного салона белой «Мазды», передернул плечами от холода – было градусов 20 ниже нуля; снова нырнул в машину и появился с маленьким кейсом и длинной кожаной курткой, которую тут же на себя накинул. Уходя, он слышал, как машина дважды «клацнула» противоугонной системой.

Он шел вдоль аккуратного трехэтажного домика, стараясь наступать на снег сверху, а не зачерпывать его носками тонких, неутепленных ботинок. Он подошел к своему подъезду, безо всякого желания снял перчатку и стал нащупывать в кармане куртки ключи. При этом он бросил рассеянный взгляд на занесенный снегом газон возле подъезда и увидел какой-то черный столбик, или скорее шарик, покрытый шапочкой снега.

Ему даже захотелось пнуть это черное «что-то», просто так, без какого-либо интереса, но желание «не-пачкать» обувь одержало верх.

Связка ключей легко, почти бесшумно выскользнула из рук и упала в снег. Молодой человек нагнулся и поднял ее, краем глаза заметив движение со стороны «столбика». Не разгибаясь и подавшись вперед, человек увидел маленького, совсем маленького котенка, мелко-трясущегося и разевающего рот, из которого вместо мяуканья доносилось едва слышное хриплое «ях-х».

«Ну, а ты здесь чего?» – бодро начал молодой человек. И осекся, скривив губы. Он прекрасно представлял себе, что котенок не сможет дожить до утра при таком холоде. После тотальной модернизации жилого района не было никаких шансов найти какое-нибудь разбитое подвальное окно. Но брать его домой было тоже как-то... Дома, кроме жены, была еще одна кошка...

Была уже почти ночь, хотя темноту разгоняла завеса падающего снега. Молодой человек направил руку к котенку, обхватил его пальцами – на ощупь это была мокрая мохнатая льдинка – и, поднеся безвольное тельце к глазам, недовольно, но беззлобно сказал: «Дурак ты!» Смотрел он при этом на котенка, но кому были адресованы слова, было не совсем ясно.

Молодой человек открыл дверь, вошел в теплый, отделанный лакированной вагонкой коридор. По ходу движения, поставив на пол кейс, он вытянутым мизинцем левой руки проверил почту в ящике – жена забрала. Он поднялся на второй этаж и, снова опустив чемоданчик, начал манипулировать связкой ключей. Но дверь распахнулась сама.

На пороге стояла молодая женщина. Судя по выражению лица, она хотела удивить молодого человека, внезапно открыв дверь перед самым его носом, но, увидев котенка, удивилась еще больше.

«Ой, а это что?» – спросила она, еще не зная, как правильно себя вести в подобном треугольнике. «Сам еще пока не рассмотрел», – ответил муж, переступая через порог. Он согнулся почти пополам, опуская котенка на пол. Тут же образовалась маленькая лужица от снега. Женщина с легким «ах!» исчезла и через полминуты появилась с толстым сиреневым полотенцем.

– Положи его сюда, – предложила она.

– У-ти, маленький, замерз, да? – зашебетала она, обращаясь к котенку. – Зачем ты его принес?

– Ты хотела, чтобы я оставил его замерзать?

– Нет, конечно, но ведь и приносить сюда всех бездомных животных мы тоже не можем.

– Это не все, это – этот.

– Ладно, – миролюбиво ответила женщина, – давайждемся утра, а там посмотрим?

– Хорошо, – так же легко согласился молодой человек.

Он плотнее укутал котенка шерстяным полотенцем.

– Спокойной ночи, «Этот»! – сказала женщина и весело показала язык мужу.

Тот поднялся с пола, обнял жену, и они отправились в спальню заниматься любовью...

КАДР ШЕСТОЙ: НЕмое кино

– Действительность все больше напоминает матрицу. Переезды из города в город, смены сезонов и погоды, сон, явь – все как-то бессмысленно меняется, только ты остаешься прежним. «Если ты сегодняшний не противоречишь себе вчерашнему, значит, ты мертв». Но ты же не мертв... *Matrix has you*, матрица имеет тебя... Как хочет... Когда хочет... Перешел через дорогу – всего лишь изменил местоположение. Как в игре: ноги семят на месте, а картинка сама наплывает на тебя. Повернулся направо, налево – сменил обои экрана. Закрыв глаза – погрузился в собственный *interface*. Загрузился. Перезагрузился. Открыл глаза – все то же самое. Не жизнь, а вирус.

– Чувствую себя героем (с маленькой буквы) в компьютерной игре, остальные участники которой не понимают своего «игрушечного» положения – бегают, суетятся, иногда даже стреляют! Все хотят чего-то, пытаются любить кого-то, властвовать над кем-то. И только я один понимаю, что все кругом ненастоящее, матрица; чувствую – а что мне это дает?! Ощущаю себя подопытным кроликом! «Если Господь Бог специально занимался моей жизнью, то что Он хотел этим сказать?» Жизнь – это большая игра, но кто автор этой игры?

– Когда в фильме автомобиль сбивает героя, то у того всегда есть право на последний кадр. Право на эффектный поворот головы, на эффектно-затравленный взгляд. Забавный факт: право на такой кадр, как правило, дается лишь в случае летального исхода. Герои, отделавшиеся синяками и переломами, обычно удостоиваются лишь панорамных съемок. По истине, режиссер тут – автор и бог!

– А может быть, и у меня есть Автор? Тот, который ввел меня в повествование? Который прописал каждый мой шаг? Так я его ненавижу!

– Слышишь, Автор, твой герой ненавидит тебя! – выкрикнул он, посмотрев куда-то вверх. Потом устало махнул рукой.

– Да ему плевать. В нем слишком много от поэта и слишком мало от художника...

ТАТЬЯНА ЛАВРОВА

ОН БЫЛ

Пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. Мужчина. Под 40. Главный герой. Вроде неплохой, даже способный вызвать симпатию, но раздираемый внутренними противоречиями и оттого ненадежный и страдающий.
2. Ольга. Женщина героя. 25-30 лет. Самая обыкновенная, ей необходимы любовь и стабильность.
3. Охранник Пеэтер Соколов. Седой. С усами. Выглядит благородно и имеет мудрый, но простой вид. Этакий добрый дедушка, обладающий выдержкой и знанием Жизни. Работает в фирме Мужчины.
4. Сергей. Ровесник Мужчины. Его компаньон. Фигура ничем не примечательная.
5. Григорий. Ровесник и когда-то друг Мужчины.
6. Силуэты Мужчины. Фигуры, олицетворяющие несколько «Я» героя. Нет, он не сумасшедший, просто не замечает, как им управляют желания, и он идет у них на поводу. Их несколько. Они разные, но у всех на футболках спереди должна быть фотография Мужчины, а сзади – надпись «Я!». Их имена: «Хочу жить спокойно», «Мне все равно», «Я – самый-самый», «Алкоголь – вот смысл жизни» и другие, участвующие в массовке.
7. Голос из ванной комнаты. Мужской.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Слабое освещение. Справа декорация крыши, слева по сцене струится белый дым или накинаны белые подушки, имитирующие небо. Игрет тихий блюз или песня «Мария» Д. Диброва и группы «Антропология». Из находящейся на крыше будки, скрывающей лестницу, на сцену выходит Мужчина. Двигается медленно. Одет в розовый женский халат. Выглядит нелепо. Он вдыхает городской воздух, кутается в халат, смотрит с крыши на город. Мужчина задумчив, подавлен, расстроен.

Мужчина: А что говорить? Нет, ну что говорить? Зачем вообще говорить? (*видно, что ведет напряженный внутренний монолог*)

В левой части сцены, там, где небо, появляется силуэт «Хочу жить спокойно». Он не освещен. С его появлением немного меняется подсветка. На сцене много синего света.

Силуэт: (*балансируя на несуществующем канате и играя с самим собой, Мужчине, его не замечающему*) Зря ты так легко оделся. Простудишься.

Мужчина: (*нехотя поднимает голову, бросает взгляд на силуэт, опускает голову*) И ты тут? Когда ты меня оставишь в покое?

Силуэт: (*кружится, ведет себя непосредственно*) Куда уж тебе без меня? И почему только я? Один я такой, что ли?

Мужчина: (*словно выходит из оцепенения*) Послушай, послушайте, я... (*жестикულიрует*) Я хочу побыть один. Сейчас я решусь, и все закончится. Не мешайте. (*зло, быстро, угрожающе, с отчаянием*) Не мешайте! (*в сторону, многозначительно, обреченно, – так, будто решился на поступок*) Сейчас мы все закончимся.

Силуэт: (*уверенно, с издевкой*) Не выйдет. Мы же не хотим. А с нами надо считаться. (*провоцирует*) Нет?

Мужчина: (*вскакивает, встает на край крыши, отводит руки в стороны, раскачивается, глядя то на силуэт, то вниз, кричит*) Смотри, смотрите, я могу! Еще шаг, и нам всем конец! Конец! Нас не будет!

Силуэт быстро подходит к мужчине, вталкивает его обратно на крышу, мужчина теряет равновесие, беспомощно лежит на спине. Силуэт прогуливается по краю крыши, также подняв руки в стороны.

Силуэт: (*резко*) Что ты о себе возомнил? Ничего ты не сделаешь! Мы такие же, как ты. У нас те же права. У нас те же условия. Мы, как руководящие партии в парламентских республиках, приходим к власти, наводим порядки, а потом уходим, чтобы уступить место новой власти, но мы всегда возвращаемся, и возвращаем все, за что отвечаем, и что несем – мысли, желания, чувства, планы. Только сроки правления у нас покороче будут. И ты ничего не сделаешь с нами, потому как мы – это ты. И ты – в нашей власти.

Мужчина: (*сквозь зубы, находясь на грани*) Я – сознание. И я вас уничтожу.

Силуэт: (*заливается нервным смехом, а потом резко, как будто бросая слова в Мужчину*) Тебя нет. Твое сознание спит. Мы делаем тебя. Не сопротивляйся. (*уходит вглубь сцены, поворачивается к мужчине, желая добавить*) И в следующий раз оденься теплее! Да и не идут тебе розовые халаты! (*исчезает за кулисами*)

Мужчина обхватывает голову руками. Беззвучно бьется в конвульсиях. Слышен его тихий стон. В этот момент дверь на крышу открывается, и на сцену неуверенно выходит женщина. В ее руках вещи. Она кутается в накинутое сверху пальто, говорит вполголоса, озирается.

Женщина: Эй, ты здесь? Я принесла тебе вещи.

Мужчина: *(вскакивает, выходит к ней из-за угла будки)* Оля?!

Женщина: Господи, ну и вид у тебя!.. Замерз, наверное? Вот твои вещи.

Мужчина: *(молча и отрешенно берет вещи)* Замерз? Может быть.

Женщина: *(смотрит ему в глаза)* Прости меня. Я... Так бывает... *(как бы опомнившись)* Давай, я заберу халат.

Мужчина снимает халат, переодевается. Женщина смотрит на него, помогает. Она нервничает, озирается.

Женщина: *(с надеждой)* Ты ведь меня понимаешь, правда?

Мужчина: *(продолжая переодеваться)* Да. Да, я понимаю. Ты все сделала правильно.

Женщина: *(облегченно)* Да? *(вопросительно, испытывая неловкость)* И мы не будем врагами? Мы просто... расстались, да?

Мужчина смотрит на нее. Он пугает ее своим спокойствием и молчанием. Отрешенно проводит рукой по ее щеке, отрицательно мотает головой.

Мужчина: Нет. Не будем врагами.

Женщина: *(радостно)* Ну, я побежала. *(пожимая плечами)* Удачи! *(целует его в щеку, и исчезает в дверном проеме).*

Вновь играет тихий блюз. Мужчина стоит, опустив руки. Он подавлен и потерян. Он окидывает взглядом зал, небо и крышу. Затем на его лице появляется озарение, решимость; быстрыми шагами он направляется к краю и, не раздумывая, прыгает. Причем идет с облегчением, будто там его ждет счастье и спокойствие. Музыка замирает, и 10-15 голосов одновременно, пронзительно и страшно кричат: «Нет!!!!!!!!!!» – так, что становится жутко. Их «Нет!!!» сливается с криком самого Мужчины.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Свет гаснет совсем. Несколько секунд тишина. Затем снова играет тот же блюз. В этот момент происходит смена декораций: исчезает «небо» и элементы, делающие крышу крышей. Это должно занять не больше 15-20 секунд. Внезапно зажигается свет. Музыка становится более ритмичной. На сцену деловито выходят силуэты, олицетворяющие «Я» Мужчины. Среди них и тот, с которым Мужчина разговаривал на крыше. Они выкатывают на сцену стол, ставят несколько стульев, несколько полок, несколько папок, макет компьютера. Теперь это офис. Когда их работа близка к завершению (опять-таки, это должно занять минимум времени, и все детали должны быть продуманы), из-за сцены слышится голос Мужчины и шаги. Музыка стихает.

Мужчина: Так, вот и пришли. За-хо-ди! (выделяя «за-»).

На сцену выходит Сергей, за ним деловитой походкой следует Мужчина. Силуэт «Хочу жить спокойно», также оформлявший офис, остается на сцене, но занимает место на краю, якобы читая газету. Остальные уходят. Силуэт не бросается в глаза, занимается чтением газеты.

Сергей: Ну и кабинет ты себе отгрохал! Ничего себе! С прежним не сравнить!

Мужчина: Да! Самому нравится! Да и сколько можно было в том работать? Надо ведь расти! Ты присаживайся, я тебя сейчас такой штукой угощу!

Мужчина направляется к шкафу, достает бутылку дорогого виски или коньяка. И бокалы. Сергей сидя наблюдает за ним, реагирует. Мужчина подходит к столу.

Сергей: Ооо! Да ты, я смотрю, живешь – в ус не дуешь! То самое?

Мужчина: (гордо) Оно! (разливает) Ну, за встречу!

Выпивают.

Мужчина: Ну, так на чем мы остановились-то?

Сергей: На идее твоей. Знаешь, стоящая вещь, по-моему! Давай работать! Я дам людей, землю, бабки.

Мужчина: Да не знаю. Что-то как-то не до нее сейчас, знаешь...

Сергей: А почему нет? Я ж тебе подсобить могу, ты давай, говори, не стесняйся!

Мужчина: Да не, ты, конечно, дело говоришь, но... Видишь ли, этим вроде как Григорий должен был заниматься. Мы тогда с ним вместе это планировали. Как с ним теперь быть?

Сергей: И что, если вместе планировали? С ним столько не заработаешь! Давай, все шито-крыто будет и не когда-нибудь, а через реальное время!

Мужчина: Не, ну не знаю. Он ведь на меня надеется...

Сергей: Ну, «надеется»! Нечего сейчас на кого-нибудь надеяться! Он мальчик взрослый, плакать не будет. Долги у него нехилые, вложиться он сейчас точно не сможет. Что ты, глупый, не понимаешь?

Мужчина: Сидел бы я здесь, если бы глупым был! Я всегда за дело, ты ведь знаешь!

Сергей: Так, давай! Проект читал, условия знаешь. Сплошная выгода! Нет?

Мужчина: Давай сюда бумаги. *(Сергей протягивает, Мужчина просматривает.)* Нет, все идеально. Но он же на меня надеется. Пусть потом, но... Но... Нет, Сергей, ты пойми, не могу я так.

Сергей: *(хотел было забрать бумаги, но одергивает руку)* Ладно. Подумай еще. Я их сейчас забирать не буду. Как Ольга? Замуж не просится?

Мужчина: Она у меня гордая и умная. Понимает, что я люблю свободу и спонтанность. А ты? Все донжуанишь?

Сергей: А я такую, как Оля, не встретил. Так, случайные связи... *(машет рукой)* Ай... А о деле подумай. Я Григория уважаю, но бизнес есть бизнес. *(смотрит на Мужчину)* Ладно. *(приподнимается)* Спасибо за дегустацию *(оба встанут, направляются к двери)*

Мужчина возвращается к столу. Силуэт «Хочу жить спокойно» откладывает газету, встает, наблюдает за действиями Мужчины. Тот стоя перебирает бумаги, поднимает оставленные Сергеем документы.

Мужчина: М-да... Интересно. Жаль, конечно, но моего «да» Сережа не дождетс... *(решительно откладывает документы в сторону, хочет убрать со стола бутылку, Силуэт выступает вперед)*

Силуэт: Почему это не дождетс?

Мужчина: *(спокойно)* Почему? Потому что я не хочу предавать Григория.

Силуэт: Ой-ей-ей! Предавать он не хочет!

Мужчина: Ты знаешь прекрасно, что тогда у Григория не будет возможности подняться! А так, я ему помогу, он мне потом вернет.

Силуэт: Да какой же ты предприниматель, если запаха денег не чувствуешь? Тебе предлагают выгоднейшее предложение, а ты отказываешься. И из-за кого? Из-за какого-то неудачника! Да, ты ему поможешь, а сколько ты не-до-по-лу-чишь, а?

Мужчина молчит

Силуэт: Итак, чего ты хочешь?

Мужчина: Денег, свободы, успеха, работать.

Силуэт: Где ты реально больше заработаешь?

Мужчина: На Сергее.

Силуэт: Ты не противоречишь себе! Зарабатываешь деньги, и сам принял верное решение. Поздравляю!

Мужчина растерянно стоит у стола. Силуэт всем своим видом показывает, что устал от разговора, возвращается к газете. Звонит телефон. Мужчина берет трубку, Силуэт оборачивается.

Мужчина: Да, я. Что?.. Когда?.. Как? Я приеду... Конечно. Конечно... Я позвоню. Спасибо, да. До свидания. Да, ты тоже держись. Да, пока.

Кладет трубку, вытирает со лба пот. Облокачивается на стол, переживает.

Силуэт: (вполоборота) Что там?

Мужчина: Брат звонил. Мать в больницу положили. Что-то с сердцем.

Силуэт: Плохо. Денег надо выслать.

Мужчина: Да я сам поеду. Сейчас отдам распоряжения...

Силуэт: (вскакивает, преграждая ему путь) Нельзя тебе сейчас уезжать. Это ж минимум неделя из рабочего графика!

Мужчина: Но я ведь ей нужен! Нужен!

Силуэт: Ей врачи нужны. И потом, там твой брат. Вышли ему деньги, пусть позолотит ручку людям в белых халатах. (бескомпромиссно) Поедешь на следующей неделе. Что ты теряешь?

Мужчина: Да... Ну... Ай!..

Силуэт: Вот и славненько! Вот и договорились. Переводи деньги и работай! Тебе надо много работать потому, что ты этого хочешь!

Мужчина: Да, я буду много работать! Я буду много работать...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Мужчина склоняется над столом и погружается в бумаги. Силуэт остается на сцене. Звучит тот же тихий блюз. Меняется освещение. Опускается прозрачный занавес. Сцена за ним ярко освещена и видно, как Мужчина работает: в кабинет приходят люди, здороваются с ним за руку, садятся, встают, заходят новые, происходит то же самое. Желательно, чтобы это выглядело как немое кино, в котором все происходит быстро и динамично. Силуэт то и дело что-то объясняет Мужчине. Всякий раз он кивает головой. Звонит телефон. Мужчина в кабинете один. Музыка стихает. Он берет трубку. Занавес не поднимается! В зале должно быть темно, и, чтобы создалось впечатление провала во времени, зритель должен смотреть на происходящее сквозь прозрачную ткань белого занавеса.

Мужчина: Да?... Нет, не выезжаю... Вы деньги получили? Замечательно. Да нет, Миш, мне сейчас никак не вырваться! Как она? Плохо... Плохо... А врачи... Да нет, все будет хорошо! Да... Да... Будем надеяться. Да. Ну, давай, всего. Ага... Да. Пока. Привет передавай! Скажи, что скучаю и приеду. Да. Давай.

Кладет трубку. Пару секунд не двигается, затем возвращается блюз, Мужчина снова погружается в бумаги. Снова в кабинет входят люди. Темнеет. Музыка замолкает. Поднимается прозрачный занавес. Мужчина сидит за столом и что-то пишет. Там же на сцене находятся два силуэта. Один из них уже знаком зрителю. Они, как и в прошлый раз, не на первом плане. Пусть читают газету, распускают свитер. В кабинет входит Ольга. Она буквально светится от счастья. У нее в руках сумка средних размеров.

Оля: Привет! Все работаешь?

Мужчина: *(поднимает голову)* Да, привет, Оленька. Работаю. А ты как?

Оля: Плохо. *(подходит к столу)* Скучаю без тебя. Не звонишь, не пишешь...

Мужчина: А цветы тебе сегодня доставили?

Оля: Да, спасибо. Они чудесны! *(стоит перед столом Мужчины с немым укором в глазах)*

Мужчина: *(мельком на нее взглянув)* Сейчас, Оленька, я только допишу кое-что... Сейчас...

Оля: Да-да. *(начинает вынимать из сумки предметы: книгу, погремушку, коробочку из-под лекарства, справку, пинетки, и выкладывает их вдоль края стола перед Мужчиной)* Ты не торопись. Я подожду. Я пока расскажу тебе одну прекрасную историю, ладно?

Мужчина: *(не отрываясь и не смотря на предметы)* Да, Оленька, я слушаю.

Оля: На днях я плохо себя чувствовала...

Мужчина: *(себе под нос)* Что ж тут прекрасного? Врача вызывала?

Оля: Нет. Послушай. Мне стало плохо и... Это было такое странное ощущение... *(она уже все выложила и теперь расхаживает по кабинету, кружась и рассматривая какие-то вещи на полках)* Я сразу подумала, что это как-то необычно. Мне стало особенно грустно, одиноко. Я позвонила тебе, но у тебя все время было занято...

Мужчина: Да я из офиса не вылезаю. Сейчас очень напряженное время.

Оля: Да, я понимаю. Я не обвиняю тебя. Главное, что мы любим друг друга, правда?

Мужчина: Угу. *(на секунду отрывается, мельком смотрит на Олю, улыбается и снова погружается в бумаги)*

Оля: И я поехала к Ленке. Она уговорила меня сделать тест, а потом мы решили обратиться к врачу...

Мужчина: Правильно. И что?

Оля: И он сказал мне самую замечательную новость на свете!

Мужчина: Ты здорова?

Оля: *(подходит к столу)* Мы здоровы!

Мужчина: *(недоуменно поднимает голову)* Мы? А откуда врач про меня знает?

Оля: Ты, ты, посмотри же скорее на это! *(показывает на то, что она выложила)*

Мужчина недоуменно смотрит на пинетки, коробочку, погремушку... Оля нетерпеливо смотрит.

Оля: Ну?

Мужчина: Что?

Оля: Ну? Что ты видишь?

Мужчина: *(послушно и медленно)* Пинетки, коробочку, погремушку...

Оля: *(с чувством)* Что написано на коробочке?

Мужчина: *(невозмутимо)* «Тест на беременность».

Оля: Ну? А на книге что написано?

Мужчина: «Молодому отцу: как воспитать счастливого малыша». *(поднимает голову и смотрит на Олю)* И зачем ты все это принесла?

Оля пристально смотрит на Мужчину.

Мужчина: Ты хочешь сказать... *(берет в руки пинетки)*. Ты хочешь сказать?..

Оля: *(подпрыгивает)* Да! *(обегает стол и обнимает Мужчину)* Даааа!!!!!!! Ты станешь отцом! Я на третьей неделе беременности!

Силуэты вздрагивают и переглядываются. Они мгновенно вскакивают и подходят к столу. Мужчина в замешательстве, одной рукой обнимает Олю, другой вертит пинетки.

Мужчина: Ребенок?

Оля: Да! Через восемь месяцев и одну неделю! (*прижимается к Мужчине*)

Мужчина сидит за столом, у него на коленях Ольга, которую он обнимает одной рукой, а второй держит пинетки. В дело вступают силуэты.

Силуэт «Хочу жить спокойно»: Кошмар! Этого еще не хватало.

Силуэт «Мне все равно»: Почему? Может, справится.

Силуэт «Хочу жить спокойно»: (*Мужчине*) Нам не нужны дети!

Мужчина: Почему? Мне уже не двадцать... Может, действительно попробовать? Ольга как радуется!

Ольга не слышит этого разговора. Она гладит Мужчину по голове, играет его волосами, улыбается от счастья.

Силуэт «Мне все равно»: Дети – это хорошо.

Силуэт «Хочу жить спокойно»: Да вы оба свихнулись! Какие могут быть дети? Надо карьеру делать! Мало ли, что она хочет! Молодая, еще родит. Никуда не денется. (*проникновенно*) У тебя все только начинается. Зачем себя обременять? Ведь не только она будет его воспитывать! Ей нужно будет больше внимания (*подходит в Ольге, небрежно тыкает ее в плечо*), заботы, ласки... Цветами тут больше не отделаешься.

Мужчина: (*одергивает его руку, спокойно*) Но я ведь ее люблю. Я буду меньше сидеть в конторе, возьму отпуск...

Силуэт «Мне все равно»: Да, отдохнешь, станешь отцом, женишься на Ольге!

Силуэт «Хочу жить спокойно»: Какое «женишься»? Ну, куда тебе, придурок, сейчас жениться? Тебе работать надо. Для нее, между прочим, работать! Что бы у нее было все самое лучшее. А не то уйдет от тебя, бедного!

Мужчина: (*вздвигнув, Силуэту «Хочу жить спокойно»*) Думаешь, ушла бы?

Силуэт «Хочу жить спокойно»: А то нет! Все они такие.

Мужчина: (*Силуэту «Мне все равно»*) Да? И ты так думаешь?

Силуэт «Мне все равно»: Не знаю. По мне – главное, чтобы «Спартак» всегда был чемпионом. Жениться – не жениться... Не знаю. Сами разбирайтесь.

Мужчина: (*проводя рукой по волосам Оли*) Ладно. Я поговорю с ней.

Силуэт «Хочу жить спокойно» довольно кивает головой, берет газету и уходит на свое место, второй товарищ равнодушно плетется за ним.

Оля: Ну, что же ты молчишь?

Мужчина: Оленька! Ты самая чудесная женщина на свете!

Оля: *(кокетливо)* Видишь, как тебе повезло! И раз я люблю самого чудесного мужчину на свете, у нас будет самый чудесный малыш!

Мужчина: *(прикладывает палец к ее губам)*. Тсс... Оля, давай не сейчас, а?

Оля: Что не сейчас?

Мужчина: Чудесного ребенка – не сейчас.

Оля: *(вскакивает, отходит от Мужчины)* Как? Ты... *(взволнованно)* Ты хочешь, чтобы я сделала... аборт?

Мужчина: *(встает, пытается ее успокоить)* Оля, ты видишь, я так долго шел к этому, так долго создавал это...

Оля: *(со слезами)*: А ребенок помешает, да? У меня что, сердца, по-твоему, нет? Я – не человек? Я не могу так больше!

Мужчина: Оля, Оля! *(пытается ее обнять)*

Оля: *(вырывается)* Это плата за мою верность? За все хорошее? Разве ты не понимаешь, что это – шанс для нас? Разве не понимаешь, что невозможно жить так дальше?

Мужчина: *(все еще пытается ее обнять)* Оля! Я люблю тебя, я хочу иметь с тобой детей, хочу видеть тебя счастливой. Я ведь не отказываюсь, нет!

Оля: Тогда почему ты хочешь, чтобы я сделала аборт? Почему?

Мужчина: Ну, зачем нам сейчас ребенок? Мне надо работать, много работать. Я хочу стать папой, но не сейчас! У меня есть знакомый врач, который сделает все прекрасно! Поверь, твоему здоровью ничего не угрожает! Ни-че-го!

Оля: *(отрешенно, потерянно)* Ты любишь меня?

Мужчина: Конечно!

Оля: Тогда, почему мне все время плохо?

Мужчина: Оля! *(подходит, обнимает)* Ты молодчина! Ты самая лучшая! Знаешь, возьми мою карточку, купи себе что-нибудь, ладно?

Оля: *(с горькой усмешкой)* Карточку? *(направляется у выходу, немного пошатывается)* Карточку! Спасибо, я подумаю! Сейчас я возьму карточку, и мы с шофером проедем по магазинам. Прекрасно! *(Уходит)* Карточку! Кар-точ-ку... *(исчезает)*

Мужчина не решается ей больше ничего сказать. Ее провожают взглядом и два силуэта.

Звучит тот же блюз или музыка из песни «Мария». Мужчина сидит, музыка играет... Это должно длиться минуту, можно чуть меньше. Освещение становится более приглушенным, силуэты не покидают сцену. Но вот все пошло в обратном направлении: музыка стихает, свет становится прежним. Мужчина выходит из оцепенения. В кабинет врывается Григорий.

Григорий: Это правда?

Мужчина: Что?

Григорий: Ты меня предал?

Мужчина: В смысле?

Григорий: Ты ведь обещал! Я... Я ведь надеялся, черт возьми!

Мужчина: Да ты подожди, сядь. Понимаешь...

Григорий: Я понимаю, я сейчас не в лучшем положении, но это временно, ты ведь знаешь. Почему ты сам не позвонил? Почему я, как дурак, строю планы, и узнаю о тщетности своих надежд от третьих лиц?

Мужчина: Гриш, моей компании нужен рост. За мной люди. Я должен думать о них.

Григорий: *(разочарованно)* Сам-то понимаешь, что говоришь?

Мужчина молчит.

Григорий: Мне не за деньги обидно – за друга. Ты был для меня... братом был! Ты сейчас не только мне в лицо плюнул – ты нашему прошлому в лицо плюнул!

Мужчина: Если тебе нужна какая-то помощь, деньги – я всегда к твоим услугам!

Григорий: Спасибо, помог! Про бизнес твой я все понимаю, но сам почему не позвонил? Мужества не хватило?

Мужчина: Гриш, я хотел, я... Понимаешь... Хочешь, я тебя штукой классной угощу? *(встает, хочет подойти к шкафу)*

Григорий: Да что с тобой происходит?! О чем ты? Какая штука? Ты... Ты... Ай!.. *(отмахиваясь, идет к двери)*

Мужчина: Гришка! Ты что? Подожди!

Григорий: Нет больше Гришки. Забудь!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Повторяется то же, что было вначале третьего действия.

Это длится недолго. Наконец, занавес поднимается. Вечернее освещение. Мужчина в изнеможении подходит к шкафу, берет бутылку и бокал, подходит к столу, садится, наливает, немного отпивает, откидывается в кресле. Закрывает глаза. Дверь в кабинет открывается, и в нее заглядывает охранник Пеэтер Соколов. Он хочет незаметно закрыть дверь, но у него не получается...

Мужчина: Пеэтер?

Пеэтер: Простите, я думал, вы уже ушли. Хотел подключить сигнализацию. Но раз вы еще тут, я зайду потом...

Мужчина: Подождите, Пеэтер! Подождите! Заходите, давайте посидим, поговорим.

Пеэтер: (слегка ошарашено) Зайти? Хм, почему бы и не зайти! (подходит к столу, садится)

Мужчина: Давайте выпьем, Пеэтер! У меня есть потрясающий напиток!

Со стороны стола на сцену выходит Силуэт «Алкоголь – вот смысл жизни». Он подходит к столу и наливает Мужчине.

Пеэтер: Нет, спасибо, я не пью. Методом проб и ошибок понял, что меры не знаю. Либо совсем не пить, либо – увы! – спиться. Вот мои варианты.

Услышав это, Силуэт вздрагивает, испуганно и удивленно отстраняется от охранника. Ставит бутылку на место и отходит вглубь сцены.

Мужчина: И что, получается держать себя в руках?

Пеэтер: Да вот уж лет тридцать как держу. Сказать по правде, из них последние двадцать пять и не тянет!

Мужчина: (залпом выпивает) Счастливый!

Пеэтер: Да, грех на жизнь жаловаться. Недавно третий раз дедом стал! И не просто дедом, а дедом внука – до этого внуки были!

Мужчина: (как бы из вежливости) Да, внук – это хорошо... А у меня внуков нет. Даже детей нет.

Пеэтер: Ну, вы ведь еще молодой, успеете.

Силуэт подходит и наливает Мужчине еще порцию. Он опять выпивает залпом.

Мужчина: Да, у меня и в самом деле полно времени... Целая жизнь, да? *(усмехается)*

Пеэтер: *(хочет подняться)* Ладно, господин-начальник, я пойду, наверное. Вы только дайте знать, когда подключить сигнализацию...

Мужчина: Не уходите, пожалуйста. Я не хочу оставаться один...

Пеэтер: *(вынужденно принимает прежнюю позу)* А что домой не едете? Жена ведь ждет, волнуется, наверное...

Мужчина: Нет у меня жены! *(кивает силуэту, тот наливает еще)* Нет у меня жены. Есть женщина, которую я мучаю... *(залпом выпивает)* И живем мы в разных местах.

Пеэтер: *(вежливо)* Ну, вам кажется. Вы просто...

Мужчина: *(перебивает)* Нет, я всех мучаю! Всех! Вот послушайте: любимую женщину отправил на аборт, вижусь с ней редко, откупаюсь деньгами, будто ей нужны мои деньги!

Пеэтер: Это, конечно, плохо...

Мужчина: Это отвратительно. Моя мать в тяжелом состоянии, а я опять посылаю ей деньги, и не могу приехать из-за этой чертовой работы!

Пеэтер: Мда... Сложно у все вас.

Мужчина: Сложно? *(сам наливает себе рюмку)* Отвратительно! *(выпивает)* Мои партнеры по бизнесу очень ловко меня провели. Сегодня меня поставили перед фактом, что я подписал что-то не то. Не то! *(ударяет кулаком по столу, обхватывает голову руками)*.

Пеэтер: Так вы больше не начальник?

Мужчина: Ну, какое-никакое влияние имею, но кабинет освободить придется...

Пеэтер: Мда, вам не позавидуешь. Ситуация сложная, конечно... Натворили дел...

Мужчина: *(кивает головой)* Натворил.

Силуэт наливает, мужчина выпивает.

Пеэтер: Мне, конечно, не хорошо вам советовать, но раз уж вы сами позвали...

Мужчина: Ай, говори, Пеэтер! Говори!

Пеэтер: Я человек не молодой, седьмой десяток пошел. Всякое в жизни было. Но я вот что думаю: все повторяется. Наверняка вы и раньше бывали в сложных ситуациях. Но раз вы их преодолевали, значит, умеете с ними справляться!

Мужчина: Как в бизнес пошел, так понеслось. Хотя нет, сначала проще было. Это потом началось...

Пеэтер: Вам бы с девушкой своей разобраться! И с матерью. Я свою мать перед смертью так и не увидел – на подводной лодке служил. А куда ж ты, как говорить, оттуда?..

Мужчина: Нет, я завтра вечером точно выезжаю. Даже днем! Да, днем поеду. Меня теперь здесь мало что держит... завтрашнее совещание пройдет без меня.

Пеэтер: Конечно, езжайте! Вы матери нужны! А девушка вас обязательно простит. Не просто это будет, не просто... но любовь – великое чувство. Это такое счастье – жить с любимым человеком! Когда просыпаешься утром, видишь ее заспанное лицо и не замечаешь ничего некрасивого – наоборот! И весь мир хочется перевернуть, чтобы все узнали, кто лежит рядом, и как ты счастлив...

Мужчина: Хм, вот слушаю вас... И зависть берет!

Пеэтер: Нет, начальник, завидовать не надо. Что толку? Надо свою жизнь делать. Не загоняйте себя в угол. Все наладится... И не губите себя алкоголем. В лучшем случае, как отцу моему, почку вырежут, а в худшем... Вы преодолеете это. Вы сможете.

Мужчина: *(воодушевляется)* И вправду! Завтра же поговорю с Олей и мы вместе поедem к маме, я скажу ей, что это моя будущая жена...

Пеэтер: Правильно!

Мужчина: Я найду Гришку, попрошу прощения и мы начнем все вместе еще раз. *(пауза)* Спасибо, спасибо Пеэтер! Я завтра же, прямо с утра!

Мужчина хочет резко встать, но пошатывается. Пеэтер вскакивает и поддерживает его. Тут же появляется Силуэт, и они вдвоем уводят Мужчину со сцены.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Свет гаснет. Игрaет блюз. Через секунд 10-15 вновь зажигается. Музыка затихает. Декорации те же. В кабинет входят Сергей и Григорий.

Сергей: Вот ваш кабинет. Работайте!

Григорий: Но знает ли он, что я его преемник?

Сергей: Нет, но скоро узнает. Видите ли...

В кабинет бодрой походкой входит Мужчина. Он в отличном настроении. Замечает Григория и Сергея.

Мужчина: Добрый день! *(Григорию)* Гриш, спасибо, что пришел. Я как раз хотел с тобой поговорить! *(Сергею)* Здравствуйте!

Григорий: *(растерянно)* Да я, в общем, не к тебе пришел.

Сергей: Григорий займет твой кабинет.

Мужчина: *(оторопел)* То есть, как Григорий? Почему?

Сергей и Григорий молча смотрят на Мужчину. Тот бьет себя рукой по лбу.

Мужчина: Так вот кто все это устроил! Сергей! Но почему? Зачем? Я ведь тебе доверял.

Сергей: *(спешно)* Сейчас никому нельзя доверять. Григорий не знал, чью должность он занимает. Только сегодня узнал. Так что он ни при чем.

Мужчина стоит, прикрыв лицо руками. Он в шоке.

Сергей: Ладно, ты собирай свои вещи, у меня еще дела. До встречи, Григорий. *(уходит)*

Григорий: Я действительно не знал.

Мужчина: *(со смехом)* Да нет, все нормально. Ты иди, я соберу вещи и освобожу кабинет. Ты... Я тебя понимаю.

Григорий: *(пожимает плечами)* Мне очень жаль. Правда. *(уходит со сцены)*

Мужчина стоит в оцепении. Звонит телефон. Он с опаской смотрит на него, будто предчувствуя страшную весть. Телефон все звонит и звонит. Наконец Мужчина срывает трубку и кричит.

Мужчина: Да, слушаю. Нееееееееет!!!!!!!!!!!! Нееет! Она не может умереть! Не может!!!!!!!!

Мужчина бросает трубку, швыряет телефонный аппарат на пол, сгребает со стола все бумаги, опрокидывает шкафы, стул. Выбегает из кабинета.

Сцена погружается во тьму.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

На сцене жилая комната. Кровать, шкаф. Две двери, ведущие – одна на чердачную лестницу, другая в ванную. На сцену вбегает Мужчина. Он возбужден. Оглядывается, слышит шум воды в ванной, начинает лихорадочно раздеваться. Раскидывает одежду по комнате. Остается в одних трусах, прыгает в кровать, нервно поглядывает на дверь в ванную. Открывается входная дверь и в комнату входит Ольга. Она не замечает Мужчину. Мужчина подходит к ней, обнимает. Она вздрагивает.

ДАНИИЛ ПОПОВ

ТВАРИ

Рассказ

Человек – существо беззащитное. У него могут выпасть зубы, а дома завестись тараканы. Со мной произошло и то, и другое, но сначала завелись тараканы.

Это случилось утром. Я собирался уходить... Я не помню куда. Все что произошло до появления этих тварей, я помню очень и очень смутно. Я не помню деталей, это самое страшное. Мне так трудно будет убедить себя в том, что все это произошло со мной на самом деле, ведь именно детали делают любую ложь хоть немножко правдивой. Надо постараться. У меня были руки, ноги, голова, губы, зубы, язык, но какие? Надо было чаще смотреться в зеркало, запомнить все, посчитать все родинки, шрамы. Надо было пометить себя, чтобы точно знать, что Я – это Я...

Я отвлекся. Итак, я собирался уходить, в руке у меня была чашка чая (или кофе?), и тут зазвонил телефон. Он всегда звонит по-разному – иногда тихо-тихо, так что не сразу и услышишь, а иногда просто взрывается. Тогда он не взорвался, а просто полоснул бритвой по ушам (я так и не узнал, кто мне звонил, а ведь именно он, быть может, виноват во всем, что со мной произошло), я выронил чашку из рук.

Чашка разбилась, весь пол был в мокрых чаинках (пусть все-таки будет чай), по нему растекалась желтоватая лужа. Я встал на колени, чтобы подобрать осколки, и тут увидел Его. Он никуда не бежал, просто стоял рядом с ножкой стола, смотрел на меня своими черненькими глазками и, кажется, ухмылялся. Телефон разрывался где-то у меня в мозгу, а я стоял на коленях перед Ним. Лужа растеклась, и мои брюки намокли.

Никогда нельзя стоять на коленях. Никогда. Кажется, именно тогда я проиграл, сдался, унизился перед этим Черным, Чужим. Черное и Чужое (среднего рода, как и все неизвестное). Я не могу передать все, что я почувствовал, всю эту тошноту, не тошноту даже, что-то гораздо более неприятное. Я стоял на коленях в мокрых штанах и смотрел в глаза Чужому, а Чужое смотрело на меня.

Внезапно телефон замолк, от него осталось в голове только эхо, какой-то непонятный стук. Таракан (это был именно таракан, если вы еще не поняли) отвернулся от меня и побежал куда-то, он уже показал мне достаточно себя. Я, наконец, собрался и ушел. Куда? На работу? Все было как в тумане в тот день. Какие-то бумаги. Может быть школьные сочинения. «Как я провел лето». «Пушкин – солнце русской поэзии». «Образ чиновника

у Гоголя». Какие-то лица, не лица, а пятно из глаз, ушей, ртов и носов. Какие-то фразы – не слова, а фразы. «Вас просят зайти...» «Не найдется ли у вас...» «Который...» «Денис Владимирович...» – вспомнил! Меня зовут Денис Владимирович, но имеет ли это сейчас хоть какое-нибудь значение.

Весь день прошел как в тумане, но когда я вернулся... Первое, что я услышал, зайдя в квартиру – это смешки моей жены Вали.

«Ах, ты, мой усатенький! Вот, еще капелька!»

Она была на кухне. Она макала палец в чашку и капала на стол, на котором был – нет не Он, а еще один – Рыжий. Почти такой же, но я все-таки сумел как-то отличить его от того, утреннего. Он был на столе, он пил из капли, упавшей с пальца этой белесой пышногрудой стервы – моей жены. Я смотрел на это минут пять, просто стоял столбом и смотрел, как Валя кормит с пальца этого...

«Денька! – обратилась она, наконец, ко мне. – Посмотри, кто у нас в гостях!»

«Убери это», – кажется, мой голос вылетел изо рта, словно струйка пара на морозе.

«Ты устал, наверное, я нам есть приготовила», – засуетилась жена.

Это «нам» меня напугало, а она, похоже, была довольно весела. Я не помню ее до этих дней, но сейчас могу сказать, что моя жена была существом весьма и весьма легкомысленным, даже глупым. Белесая пышногрудая дура, и больше ничего.

«То есть, как это нам?» – спросил я.

«Нам, значит, нам», – туманно ответила она.

«Нам надо от них избавиться», – как-то не очень убедительно произнес я, тогда еще Денис Васильевич, Денис, Денька и как-то еще, а фамилию я, видимо, больше не вспомню.

«Да ты что? Тогда будет скучно, как в склепе! Хотя кто-то живой в доме будет. Ты посмотри, какой он милый!» – ей действительно казалось все это веселым. Она принимала его, наверное, за кошку или собаку.

«А я, значит, больше не живой?» – спросил я. Меня не задело ее высказывание, спросил практически на автопилоте.

«Перестань!» – сказала она и скорчила одну из своих гримасок.

Тем временем эта рыжая тварь куда-то убежала.

«Ну вот! – сказала жена. – Ты его напугал (я его?!). Он здесь не один, между прочим».

«Да. Я знаю».

Она подошла ко мне, неловко обняла и тут же отпрянула.

«Ты сегодня какой-то странный. Неужели ты их боишься? Хотя, ты всегда», – она недоговорила. Бросила на меня оценивающе-недоумевающий взгляд и ушла в другую комнату читать какую-нибудь свою женскую муру. В любом случае, мне было не до нее.

В тот вечер я обследовал всю квартиру. Они на самом деле были повсюду. Некоторые лениво разбегались, а некоторые просто смотрели на меня (как тот утренний), или как (я надеялся, мне показалось, но нет) Валя – оценивающе-недоумевающе. Один из них (в шкафчике ванной) на самом деле испугался и бросился наутек. Это придало мне уверенности. Я занес уже над ним тапок, но... Я не мог ничего сделать. И он понял это. Стоять над ним с занесенным тапком все равно, что стоять перед тем на коленях. Надо было просто прихлопнуть его, но я стоял и думал. Думал о том, что я стою босой ногой там, где они пробегали сотни раз. О том, что кто-то из них обязательно смотрит на нас. Это было отвратительно, невыносимо жутко. Я не мог ничего с собой поделать.

Тогда я почувствовал, что устал. Я прошел в спальню, разделся, лег. Валя не спала. Она смотрела на меня. Я уже ни с чем не мог спутать этот взгляд – оценивающе-недоумевающий. Я просто отвернулся и попытался заснуть.

Я не хочу рассказывать, что мне снилось в ту ночь. Что снилось в ту, и во все последующие (кроме одной единственной). Днем все было настолько ужасно, что я невольно просыпался. Во сне было в десять, в сто раз хуже, но просыпаться я не хотел. Просто потому, что знал, что это сон, и когда я точно уверил себя в нереальности всего происходящего, тогда свыкся с этим. Пускай происходит то, что происходит, ведь это всего лишь сон, а утром проснешься, и тогда все будет по-настоящему. Нельзя. Ни в коем случае нельзя просыпаться. Пусть лучше все останется кошмаром.

И тем не менее, на следующее утро я проснулся. И на утро после следующего я проснулся. Все изменилось. Я не мог нормально есть. Я чувствовал на себе их взгляды. Я не мог принять ванну, раздеться. Я не мог поговорить с Валец, вообще ни с кем, потому, что они слышали. И в то же время, я не мог никуда уйти. Снаружи все было, как в тумане. Единственной реальностью был тот взгляд. Черный, который одновременно смотрит на тебя, и которым ты одновременно смотришь на это Черное, Чужое.

Однажды я курил на кухне. Я смотрел только на уголек на конце сигареты и, тем не менее, почувствовал, что кто-то рядом.

«Эй, мужик! Дай закурить!»

Я посмотрел на него. Он был рядом со мной – тот самый, утренний, Черноглазый, перед которым я стоял на коленях.

«Да ладно. Чего ты испугался? Пошутил я. Не курю», – он ухмыльнулся и побежал дальше.

Позже, в тот же день, другой заговорил со мной – тот, которого Валя кормила с пальца, Рыжий, как я его назвал. Они с ней (не только Рыжий, но и остальные) хорошо ладили. Я перестал с ней общаться, но я часто слышал ее смех из большой комнаты. Они разговаривали раньше только с ней, в основном рассказывали байки, но со мной не заговаривали.

«Что? – спросил он. – Достали мы тебя? Так ты не сердись. Как говорится, в тесноте – да не в обиде. Ты уж привыкай с соседями ладить».

Он замолчал, а потом добавил:

«А Валька у тебя – ничего бабенка». Скабрёзно ухмыльнулся, и убежал куда-то под плинтус.

Я не хотел даже думать о том, на что он намекал, и намекал ли на что-нибудь вообще. Мне показалось, что все это нелепо. Подозревать Вальку («Вальку», ей бы никогда не понравилось, чтобы ее так называли, хотя с другой стороны, называла же она меня «Денькой») или ревновать было как-то нелепо. Это было сумасшествием, но я не мог отделаться от этого сумасшествия.

Тем не менее, вечером я спросил ее:

«Они нравятся тебе больше, чем я?» Я ждал, что она засмеется или обидится – в худшем случае, но, как она отреагировала, меня поразило (настолько, насколько я мог тогда поражаться чему-либо).

«А ты чего ждал?! – вспылила она. – Ты ходишь целыми днями как вареный. Мне не с кем даже поговорить. А они довольно интересные твари, между прочим. Необразованные, конечно. Куда им до тебя! (Из этого оскорбления я понял, что у меня хоть какое-то образование было). Но поговорить с ними всегда интересно. А ты всегда был жутким занудой». С этими словами она хлопнула дверью. Они все это, конечно, слышали и сейчас, наверное, хихикали где-то за стеной.

На работе со мной перестали разговаривать. Не понимаю, что я там делал все эти дни. Все снаружи этой квартиры перемешалось – лица, улицы, звуки.

Однажды, возвращаясь оттуда, я услышал из-за своей двери их горлающие голоса. Я ворвался на кухню. На столе валялись пустые бутылки, в тарелке плавали окурки с какой-то непонятной субстанцией. Все они (их было четверо) были пьяны как свиньи, один – Рыжий, – свесившись с подоконника, блевал на плохо освещенную улицу. Я не выдержал. Закричал: «Вон отсюда!» – все, кто был в состоянии, кто еще как-то держался, сбежали. Я схватил Рыжего за подворотник.

«Да что ты, сука, творишь?!» – закричал я на него.

«А думаешь мне?! Мне легко? – захныкал он. – Таракан – существо беззащитное. Легко, когда каждый, кто выше и больше, может тебя тапком или газетой прихлопнуть? Легко быть таким как я – рыжим, некрасивым, маленьким? Если маленький – так можно и тапком? А у меня детей, между прочим, около тысячи!» Это были обыкновенные пьяные слезы, жалобы на судьбу. Он продолжал хныкать: «А кто споил? Кто споил, знаешь? Валька твоя и споила! Думаешь, она меня тогда чаем с пальчика угощала, стерва белесая?!»

Я отпустил его, а он все всхлипывал.

Я выбежал на улицу, добежал до первого попавшегося магазина, взял бутылку. Что было дальше, помню смутно. Помню, бродил по городу, приставал к прохожим. Говорил, что человек – существо беззащитное. Что у него могут выпасть зубы, у него в доме могут завестись тараканы и так далее, и тому подобное. Помню пил с какой-то усатой жирной бабой – усатой и жирной, как беременный таракан. Уснул на автовокзале (дай бог вспомнить, что это такое), на жесткой скамейке. Уже тогда мне приснилось что-то невыразимое. Что-то настолько непонятное, и одновременно простое. Там был я, там была Валя, там были еще какие-то люди (я уже не помню, как они были связаны со мной, но только что-то растекалось по сердцу, когда они были рядом).

Я помню, как проснулся. Все было по-другому. На улице было ослепительно светло. Голова раскалывалась, туман исчез. Я шел по улице. Видел лица, мог различить каждый цвет, каждый звук, каждое слово. «Куплю дихлофос и переморю всех на хрен», – подумал я. Зашел в свой подъезд (сделал это осмысленно, не на автопилоте, как все эти дни, точно отличил свой подъезд от остальных). Поднимаясь по лестнице, посчитал все ступеньки, их было десять в каждом пролете. Я точно узнал свою дверь – серую деревянную, на которой какой-то подросток нацарапал Слово, но даже это Слово меня не раздражало, это было Слово с большой буквы. Я открыл дверь и вошел. Разулс и вошел в спальню...

В постели лежали Валька и Черноглазый. Надо было крикнуть, но я опять ничего не мог с собой поделать. Все опять заволокло туманом. Я открывал рот как рыба, выброшенная на берег, но никаких слов, никаких фраз не вылетало оттуда, я будто забыл, как их произносить. Валька заговорила первой:

«Извини, Денька. Но ты оставил меня. А он оказался таким умным. Необразованным, но умным. Он знает, что такое жизнь. Он... Ну, ты, извини. Нам, наверное, нужно расстаться. Извини, что так получилось. Я думала, что ты ушел вчера. Ушел навсегда и...» Она замолчала, а Черноглазый подошел ко мне, вытолкал меня в коридор и сказал:

«Ну, в общем, не надо чтобы она тебя больше видела. Не хочет она тебя видеть. И мне на глаза не попадайся. Раздавлю, как...» Он не договорил, но и так все было ясно.

Я старался не попадаться им на глаза, но остался жить там же. Я прятался в темных углах, и прячусь до сих пор – под плинтусами, за холодильником. Я стал меньше, ниже. У меня выпали зубы. Я выбегаю только по ночам. Сначала воровал из холодильника, однажды я встретились там с Рыжим.

«Ну что? – спросил он. – Тоже приворовываешь? Вот и меня Черноглазый невзлюбил. К Вальке подкатываю, а у них там...», – он хихикнул, на этот раз как-то грустно.

Однажды мы нашли на кухне угрожающую записку. Там было написано: «Только возьмите еще что-нибудь. Дихлофосом передую гадов». Почерк, конечно, был не Валькин. Мы стали есть крошки с пола, то, что они оставляли на столе. Однажды Рыжий сказал мне:

«Все, ухожу я. Черноглазый поймал. Сказал, что прихлопнет в следующий раз. Он теперь здесь за хозяина. Тоже мне брат».

Он вздохнул, а потом добавил: «А когда ты хозяином был, нам лучше жилось. Помнишь? – он подмигнул. – Мы все уходим. Ты остаешься?» Я не ответил. «Конечно, остаешься. Куда ты денешься», – он вздохнул и ушел. Больше я его не видел. Я скучаю по нему.

Недавно Черноглазый получил паспорт. Я заглянул в него – у него какая-то дурацкая фамилия была, кажется, Парамонов. Они с Валькой собираются расписаться. Он охотится за мной. Так страшно. Каждую секунду ждешь, что включится свет, а потом что-то тяжелое опустится на хитиновую спину. А что я могу сделать? Человек – существо беззащитное.

ИСТОРИЯ ТУММАЛЯ

Комментарии и перевод с шумерского Владимира Сазонова

«История Туммалья» – уникальное в своем роде литературное произведение, относящееся к наследию шумерской литературы и являющееся одним из самых древних литературных сочинений. Оно было создано на стыке 21 и 20 вв. до н.э., во время правления царя Ишби-Эрры, основателя Иссинского царства. «История Туммалья» не совсем обычный литературный текст. Он был написан с целью восхваления царей Шумера, выполнявших строительные работы в храме Туммаль. Надо полагать, восхвалялись не все цари, а только те, которые были «угодны», или вписывались в государственную идеологию династии Иссина.

Туммаль – это храм богини Нинлиль (спутница бога стихии Энлиля – одного из главных богов в Южном Двуречье), который располагался в Ниппуре, важнейшем религиозном центре всего Южного Двуречья – Шумера. Поэтому Туммаль почитали не только в Ниппуре, но и повсеместно в Шумере. Данный текст был записан, видимо, при жизни иссинского царя Ишби-Эрры, который был не шумером, а аккадцем. Ко времени его правления шумерский язык был практически вытеснен аккадским, но все равно оставался языком литературы, образования и культа еще долгие столетия.

Когда в 2004/2003 г. до н.э. город Ур (столица некогда мощного новошумерского царства) пал от рук завоевателей-эламитов, аккадец Ишби-Эрра, проявил себя продолжателем традиции шумерских царей III династии Ура, в конце правления которой он возвысился и захватил власть в городке Иссине. Ишби-Эрра перенял от новошумерских деспотичных монархов желание обожествлять себя, их бюрократический аппарат, стремление контролировать храмы, элементы царской идеологии и т.д. Также он пытался узаконить свою царскую власть, называя себя «царем Шумера и Аккада» и продолжал строить храмы в Уре и Ниппуре.

Сам текст «Истории Туммалья» основывается, вероятно, на более ранних письменных источниках, известных Ишби-Эрре или писцам. Интересно и то, что в тексте упоминаются раннединастические цари, такие как Эн-Мебарагеси, Акка и Гильгамеш, правившие в Шумере в 27 в. до н.э. – то есть примерно за 700 лет до правления Ишби-Эрры (2017-1985 г. до н.э.) (И.М.Дьяконов, *История Древнего Востока*, 1 ч., М., 1983, 169). Особенно интересным представляется факт, что среди строителей упомянут легендарный царь Урука Гильгамеш, о котором в Междуречье сложился эпический образ мудреца, царя-покровителя, жреца-полководца, могучего героя, любимца богов, самого на две трети бога. О Гильгамеше слагли легенды не только шумеры, но также вавилоняне, хетты и т.д. Шумерские легенды о Гильгамеше были позднее объединены в один большой аккадский эпос «О всевидавшем».

«История Туммалья» не раз была переведена крупными учеными, среди которых стоит упомянуть С.Н.Кремпера (Kramer S.N., *The Sumerians: Their History, Culture and Character*, The University of Chicago Press. Chicago and London 1973. 47) и Э.Сольберже (Sollberger E.,

The Tummal Inscriptions, JCS 16 (1962). 40-47), а также Фадхил А. Али (Ali, Fadhil A. 1964. *Sumerian Letters: Two Collections from the Old Babylonian Schools*. Philadelphia: University of Pennsylvania.) Настоящая работа проделана по публикации проекта Оксфордского Университета, *The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature – ETCSL 2.1.3*. Перевод и комментарии выполнены в научно-популярном жанре.

- 1 Эн-Мебарагеси, царь,
Ири-Нанам в храме Энлиля воздвиг.
Акка, сын Эн-Мебарагеси,
Сделал Туммаль процветающим,
- 5 Нинлиль в Туммаль принес.
Это было в первый раз! – Туммаль пал.
Меш-Анепада Буршушуа Энлиля воздвиг.
Меш-Кианнуна, сын Меш-Анепады,
Сделал Туммаль процветающим,
- 10 Нинлиль в Туммаль принес.
Это было во второй раз! – Туммаль пал.
Гильгамеш Нумун-бур-ра в храме Энлиля воздвиг.
Ур-Лугаль, сын Гильгамеша,
Сделал Туммаль процветающим,
- 15 Нинлиль в Туммаль принес.
Это было в третий раз! – Туммаль пал.
Нанни основал «Гигантский Сад» в храмовом комплексе¹ Энлиля.
Мешкиан-Нанна, сын Нанни,
Сделал Туммаль процветающим,
- 20 Нинлиль в Туммаль принес.
Это было в четвертый раз! – Туммаль пал.
Ур-Намму, Экур построил,
Шульги, сын Ур-Намму,
Сделал Туммаль процветающим,
- 25 Нинлиль в Туммаль принес.
Это было в пятый раз! – Туммаль пал.
(начиная с) годов (правления) Амар-Суэна²

¹ Смысл данной строки не совсем ясен. Вероятно, она переводится как «Нанни основал «Гигантский Сад» в храмовом комплексе Энлиля».

² В другом варианте текста упомянут царь Шу-Суэн

до тех пор, пока Ибби-Суэн, царь,
Энмегаль-Анну, посредством жертвенного животного эн-жрецом
Инанны Урукской назвал,
30 Нинлиль в Туммаль приходит.

31-33 Со слов, Лу-Инанны, начальника кожевников, записано.
Ишби-Эрра, который (после) Экур осматривал,
Эшутум Энлиля построил.

КОММЕНТАРИИ:

Ири-Нанам – вероятно, какое-то культовое сооружение, точное предназначение которого неизвестно.

Буршушуа – еще одно культовое сооружение.

Нумун-бур-ра – святилище или другое культовое сооружение.

Ибби-Суэн – Ур-Намму, Шульги, Амар-Суэн, Шу-Суэн, Ибби-Суэн были новошумерскими царями из III династии Ура, правившие в Шумере в конце 22-го и в 21 вв. до н.э.

Эн-жрец – «эн» на шумерском означал «господина, владыку». В Шумере эн-жрец был одним из высших жреческих должностных лиц.

Экур – храм бога Энлиля в Ниппуре.

Эшутум – вероятно, склад.

ТОПОР ДЛЯ НЕРГАЛА

Комментарии и перевод с шумерского Владимира Сазонова

Этот шумерский литературный текст – «Топор для Нергала», очень короткий, состоящий всего из 16 строк, уже неоднократно переводился западноевропейскими ассириологами (на немецкий и английский языки). К сожалению, перевода на русский язык я пока еще не встречал. Впервые этим текстом занялся немецкий шумеролог К. Вильке, опубликовавший его в 1969 (Wilcke C. *Das Lugalbadaepos*. Wiesbaden: Harrassowitz. 1969.), затем в 1988 году Г. Беренс (Behrens H. Eine Axt für Nergal. *A Scientific Humanist: Studies in Memory of Abraham Sachs*. Occasional Publications of the Samuel Noah Kramer Fund 9. Leichty, Erle, Ellis, Maria de J., Gerardi, Pamela (eds). 1988, Philadelphia: The University Museum. 27-32.), и в 1996 году И. Крехер. Кроме того, один из самых последних переводов «Топора для

Нергала» был выполнен учеными из Института Востоковедения при Оксфордском университете и опубликован на сайте ETCSL, где собрана большая часть шумерской литературы с оригиналами и англоязычными переводами.

Сам текст крайне интересен как по содержанию, так и по стилю, и является посвятителем надписью верховному богу подземного мира Нергалу. Жители Месопотамии считали, что царство мертвых – мрачное и безотрадное место. Но была возможность несколько улучшить свое существование в нем. Для этого нужно было, чтобы родственники умершего вспоминали о нем и проводили обряды в его честь, снабжая дух предка пищей и водой. Если же они этого не делали, то беспокойный дух мог вернуться и покарать страшной карой. У тех, кто был бездетным шансов на сносное существование в мире мертвых почти не было. Хотя, была еще одна возможность – задобрить богов мира мертвых жертвенными подношениями. (См. Е.В. Антонова, *Место умерших и погребальный инвентарь: археологические факты и исторические свидетельства (Месопотамия)*, Погребальный обряд, 1999, М., РАН, с. 21.)

Мир мертвых шумеры называли словом киг, что означало на шумерском «подземный мир, страна, горы, восток, восточный ветер».

В шумерской легенде «Гильгамеш и дерево хулуппу» рассказывается об особом дереве у реки Евфрат, которое понравилось шумерской богине любви Инанне (у вавилонян и ассирийцев Иштар). Она забрала это дерево в город Урук, чтобы растить его там и сделать из него трон. Но когда дерево выросло, страшная птица Анзуд (гигантский орел со львиной головой, который в вавилонской мифологии считается отрицательным персонажем) поселила в его ветвях своего птенца, в корнях притаилась змея, «не знающая заклатья», а в середине – нашла приют злая демоническая дева Лилит (Лилит – в вавилонской мифологии демон женского пола). Далее легенда повествует о том, как богиня Инанна расстроилась и призвала на помощь своего брата и героя Гильгамеша, легендарного царя Урука, известного в качестве главного героя аккадского эпоса «О всевидавшем».

Могучий воин Гильгамеш срубил огромным топором это дерево и победил врагов (Афанасьев В.К., Гильгамеш и Энкиду, М., 1979, с. 85-86).

*«Бронзовый топор, свой дорожный топор,
весом в семь талантов и семь мин, берет он.
Поразил он змею средь корней, змею, не знающую заклатья,
Схватил птенца Анзуд-птицы
И швырнул его в горы
Разорил жилище Лилит,
И бежала дева в пустыню».*

(перевод Афанасьевой В.К., Гильгамеш и Энкиду, М., 1979, с. 85-86.)

Затем Гильгамеш разрубил дерево на части, ствол отдал Инанне, чтобы та изготовила себе трон, а из корней соорудил магические музыкальные инструменты – *rikku* и *mikku*, точное предназначение которых нам неизвестно, возможно, это были барабаны. Однако вскоре Гильгамеш теряет инструменты, каким-то неведомым образом они оказываются в мире мертвых – в стране «кур». Гильгамеш огорчен. Тогда Энкиду, его лучший друг, слуга и соратник, соглашается спуститься в мир мертвых и достать оттуда инструменты Гильгамеша. Но это очень опасная затея. Спустившийся туда человек должен соблюдать определенные правила. Гильгамеш сообщает Энкиду о некоторых из них: нельзя «облачаться в чистую одежду» и нельзя «обувать сандалий». Однако Энкиду нарушает эти запреты и поэтому больше не может вернуться из царства мертвых и остается в мрачной стране «кур» навсегда. Пребывая в смятении, Гильгамеш предпринимает путешествие в храм Экур (храм бога Энлиля, расположенный в Ниппуре – самом священном городе Шумера и Аккада) и просит Энлиля (верховный бог Шумера) помочь ему вызволить друга. Но Энлиль отказывается. Гильгамеш обращается к богу луны Сину, но и тот отказывает ему в помощи. Лишь бог мудрости Эа соглашается помочь. Но Эа не может вернуть Энкиду – это выше его сил. Попавшим в мир мертвых богам почти невозможно вернуться оттуда, о чем, например, рассказывается в мифе «О нисхождении Иштар в подземный мир» (Афанасьева В.К, там же, с. 87).

Итак Эа решает помочь Гильгамешу, но в его силах только попросить Нергала, бога-повелителя мира мертвых, разрешить душе Энкиду поговорить с Гильгамешем. Так и случается: Нергал отпускает на время душу Энкиду. Тот сообщает Гильгамешу, что в Подземном царстве ужасно, там холодно и все находящиеся в нем страдают.

Одним словом, крайне пессимистичная картина загробного мира. Текст «Топор для Нергала» интересен тем, что некий человек по имени Нибру-талу пытается задобрить Нергала. И чтобы иметь право пить в загробном мире «чистую воду», а не мутную жижу, которой питались умершие люди в стране «кур», он и дал задание изготовить топор с надписью и посвятил его Нергалу. Настоящий перевод выполнен по публикации электронного проекта Оксфордского Университета – ETCSL с. 5.7.3. и по публикации Г.Беренса (Behrens, H. Eine Axt für Nergal. *A Scientific Humanist: Studies in Memory of Abraham Sachs*. Occasional Publications of the Samuel Noah Kramer Fund 9. Leichty, Erle, Ellis, Maria de J., Gerardi, Pamela (eds). 1988, Philadelphia: The University Museum. 27-32.)

1. Нибру-талу,
сын Лугаль-шубы, купца,
Для Нергала[1]
(сей) медный[2] топор изготовил.
5. Деревянная часть его из арганум[3] – дерева гор.
(Дерево, что) превосходит камень-алал[4].

Камень его – антасурра[5],
(Камень), которому соперников нет.
Кто им ударит – рука его да не сможет ослабнуть.
10. Если сломается он,
его я восстанавливаю[6] для (Нергала).
если он потеряется,
его принесу я ему назад.
пока я жив, на меня может он глядеть.
15. Когда я буду мертв, в царстве мертвых
воду чистую испить мне он даст.

КОММЕНТАРИИ:

[1] Нергал – бог-владыка подземного мира – страны мертвых, которую шумеры называли «кур». Супругой Нергала была повелительница подземного мира Эрешкигаль, женившись на которой, Нергал стал владыкой подземного царства.

[2] В одном варианте текста встречается слово *ugudu* (*uruda*) – «медь», «руда», а во втором варианте *pagga*, т.е. «олово» или «свинец». Г.Беренс (Behrens 1988, 31) переводит это слово как бронзовый, видимо, полагая, что это сплав. В переводе же ETCSL значится «tin axe» (ETCSL t. 5.7.3.). В настоящей работе в качестве варианта предложен «медный» топор.

[3] арганум – дерево неизвестной породы. Так как в Месопотамии не было лесов, по всей видимости, это дерево привозили либо из Ливана – с Запада, либо с Востока – горы Загроса.

[4] алал – также имеет несколько различных значений. Г.Беренс (Behrens 1988, там же, с. 31.) не переводит алал вообще, я же предлагаю переводить алал именно как «камень», как и в ETCSL: «a wood which is superior even to the alal stone». Тут имеет место сравнение – деревянная часть, «прочнее даже чем камень». Т.е. здесь прослеживается явная гиперболизация со стороны автора текста – его стремление показать, что топориче настолько твердое, что и алал-камень с ним не может сравниться.

[5] антасурра – видимо, неизвестная порода камня, также импортируемого в Месопотамию с Востока или Запада.

[6] Дословно означает: вылечу, т.к. шумерское слово *silim* означает «здоровье, быть здоровым / завершенным».

ИГОРЬ КОТЮХ

ЭСТОНЦЫ И РУССКИЕ

Эссе

Я – русский литератор, родившийся и проживающий в Эстонии. Моя семья имеет, по большей части, славянские корни. Мама жила раньше на севере Украины, в Черниговской области. Ее отец был украинцем, а мать белорусской. Вместе со своими двумя братьями она ходила в начальную сельскую школу, после чего продолжила образование в городе. Там она жила в интернате и общалась со сверстниками на родном украинском и русском языках. Надо сказать, в крупных украинских городах эти два языка являются более-менее равноправными, в то время как в традиционно консервативной деревне преобладает украинский язык. То есть, можно сказать, моя мама знакома с двуязычием не понаслышке.

С отцом – другая история. И он родился-вырос вдали от фабричных труб, но не в деревне, а на хуторе – на юго-востоке Эстонии, недалеко от российской границы. Впрочем, в те времена границы были условными и граждане 15 братских республик могли свободно перемещаться внутри СССР. Благодаря этому, мой дед, украинец по происхождению, остался после армии служить сверхсрочно в Эстонии, где познакомился с моей бабушкой, полурусской-полуэстонкой. А их сын, отслужив в армии, наоборот, отправился на Украину, где встретил милую девушку с карими глазами и добрым сердцем, и... влюбился. Еще несколько поездок, и молодые люди решили вступить в брак. Какое-то время они пожили на Украине, а потом махнули в Эстонию – считавшуюся самой культурной республикой Союза, почти «Европой».

Через три года в молодой семье появился первый из двух сыновей, автор настоящего эссе. Хотя моя мама скучала по дому, ей нравилось жить в новом месте. Отец всячески помогал ей адаптироваться к местным условиям, по первости был и за гида, и за переводчика. Конечно, Украина совсем другая, чем Эстония. Все другое. На Украине много русских и черноволосых людей, а в Эстонии, шатены и светловолосые. На Украине много плодородной земли, а здесь почва каменистая и глинистая. На Украине можно заходить в гости без стука, а здесь о каждой встрече нужно договариваться заранее. Даже песни – украинцы и эстонцы очень любят петь – и те другие. Не лучше, и не хуже, просто поют по-разному. Веселые украинские песни настолько заводные, что невозможно усидеть на месте, ноги сами пускаются в пляс. Аналогичные эстонские песни в лучшем случае поощряют хлопнуть в ладоши. Если говорить о лирике – от украинских песен щемит в груди и слезы наворачиваются на глаза, а эстонские, с их бесконечными заунывными рефренами, вводят в транс.

Отдельно стоит сказать о языке. На родном для моего отца юго-востоке Эстонии распространены различные диалекты эстонского, по которым местные определяют «своих» и «чужих». Причем, в роли «чужого» может оказаться не только носитель русского языка, но и эстонский турист из Таллинна. Произношение, грамматика, да и многие слова на севере и юге Эстонии выглядят иначе. Если нормированный эстонский язык называет собаку словом «коег», на юге Эстонии это же существо обозначают лексемой «репи». Русскому человеку практически невозможно научиться говорить на эстонском без акцента. Один только звук «ы» чего стоит! Кто произнесет с разбега нехитрую комбинацию из букв «ы-у-н», может гордиться тем, что знает, как спросить яблоко по-эстонски. Главное, чтобы «ы» звучало чисто! Вся хитрость в том, что русское «ы» произносится с легким оттенком «и», в то время как на эстонском «ы» звучит ниже, с оттенком «э».

Но самая большая беда для русского человека – долготы в эстонском языке. Конечно, их не так много, как в китайском, но достаточно для того, чтобы приуныть. Эти три долготы могут в некоторых случаях подсказать эстонцу падеж, форму и значение слова. Например, в зависимости от того, как прочитаешь слово «toote», может получиться глагол «принесете» или существительное «товар» (в родительном падеже, «цена товара»).

Разумеется, посторонний человек далек от подобных языковых нюансов. Мой отец, если переходит на эстонский, говорит на диалекте. А мама, чтобы не путать все вместе, признает только «настоящий» эстонский язык – тот, который звучит на радио и телевидении.

Я все время жил недалеко от того места, где прошло детство моего отца, в зеленом и уютном городке Выру. В советское время здесь была военная база и поселок для сверхсрочников. Кроме того, живописный Выру с его хуторской системой прославился как аграрный район Эстонии, а также родина Фр.-Р.Крейцвальда, одного из лидеров национального движения и составителя народного эпоса «Калевипоег». Высокое искусство, сельское хозяйство, милитарная эстетика, два эстонских и русский языки составляли гремучую смесь, которую полагалось принять и усвоить.

Первым и единственным языком в нашей семье был русский. Соответственно мы с моим младшим братом воспитывались на русской литературе и ходили в русскую школу. В то же время, во дворе мы общались только с эстонскими ровесниками – поскольку у нас была «невоенная» семья и мы жили в центре города. Отец работал в разное время водителем – в торговой организации, на стройке и льнокомбинате, мама шила шляпы и обувь на местной фабрике. Получалось, утром и днем мы с братом находились в русскоязычной среде, а после обеда гоняли футбол с друзьями-эстонцами. Я никогда не выполнял домашние задания по эстонскому языку, так как не видел причины *учить* эстонский. Что тут учить, когда все и *так* понятно? Русский и эстонский языки были для меня гармоничным целым.

В первый раз я задумался о том, что на самом деле это редкость, где-то в 12-13 лет, когда загремел с какой-то болезнью в больницу. Вернее, это была не болезнь, а подозрение на болезнь. У меня болел живот и мама настояла на обследовании. Помню эти несколько дней в больнице: как я подружился с медсестрами, как помогал им кормить малышей, как ходил в больничную библиотеку за книжками, как завел кучу друзей в разных палатах. С утра до вечера я общался только на эстонском. Когда меня выписали из больницы, мы с отцом и мамой пошли на прогулку в город. Конец мая, роскошная погода, у всех приподнятое настроение. Отец был очень разговорчив, шутил, задавал всякие хитрые вопросы. На один из них я по инерции ответил по-эстонски. Отец удивился и решил меня поддержать, перейдя на «свой» эстонский – южный диалект (который с восстановлением страной независимости обретет почетный статус вырусского «языка».) Теперь настал мой черед удивиться – это же не эстонский язык! Мама слушала наш спор и смеялась.

Тогда же я задался целью овладеть «истинным» эстонским, без примесей, понятным в любом уголке Эстонии, с которым не стыдно показаться в Тарту или Таллинне. Со временем это желание усилилось, особенно, когда я обнаружил у себя тягу «написать что-то, что еще не было написано». Меня всегда интересовали книги и чтение. Если книга была увлекательной, мне становилось жаль, когда я дочитывал ее до конца – одним открытием становилось меньше. Если чтение было скучным – шел на принцип: кто-то смог это написать, тем более, я смогу это прочитать. Ведь читать гораздо легче, чем писать – даже чисто физически.

Я читал, в основном, книги на русском языке. Поскольку мама была дружна с продавщицей из книжного магазина, у нас в семье было много хороших и редких для тех перестроечных лет книг. Это «Дети Арбата» А.Рыбакова и «Петр Первый» А.Толстого, «Спартак» Р.Джованьоли и «Жерминаль» Э.Золя, а еще А.Кристи, М.Зощенко, И.Шоу, М.Твен, Д.Лондон, О.Бальзак, Ш.Бронте, В.Гюго, Д.Дефо, А.Дюма, М.Шолохов. Отец заслушивался В.Высоцким, и это тоже оставило свой след в памяти ребенка.

Из эстонской литературы навсегда полюбились «Накситралли» Эно Рауда (в блестящем переводе Лео Вайно), позволю себе процитировать начало из этой необыкновенно трогательной и доброй книжки, которую невозможно читать без улыбки:

Однажды у киоска с мороженым случайно встретились трое накситраллей: Моховая Борода, Полботинка и Муфта. Все они были такого маленького роста, что мороженщица приняла их поначалу за гномов.

Были у каждого из них и другие занятные черточки. У Моховой Бороды — борода из мягкого мха, в которой росли хоть и прошлогодние, но все равно прекрасные ягоды брусники. Полботинка был обут в ботинки с обрезанными носами: так удобнее шевелить пальцами. А Муфта вместо обычной одежды носил толстую муфту, из которой торчали только макушка и пятки.

Не меньшее впечатление – правда, абсолютно противоположного толка – произвела тоненькая книжица с массивными фигурами на иллюстрациях Юри Аррака про мифических великанов. Издание черного цвета, а великаны нарисованы с горящими головами и конечностями. Страшная книга, брр...

В школьные годы зачитывался повестями О.Лутса, умевшего сентиментально и с юмором описать жизнь в эстонском селе начала прошлого века; и «морскими» дневниками Ю.Смуула, благодаря которым можно было побывать в антарктической экспедиции или в Японском море.

По окончании школы перепробовал множество профессий. Поскольку к тому времени – середина 90-х – русские военные покинули Эстонию, Выру стал совсем «эстонским» городом. Работая строителем и трубочистом, дворником и огородником, я узнал много новых слов и выражений. Впоследствии это пригодилось, когда мне предложили сотрудничать с местной эстонской газетой. Я обрадовался, но очень скоро и огорчился, видя, как мои статьи правил редактор – каждый принесенный материал был усеян поправками, сделанными красной пастой. Иногда я заходил в редакцию вечером и извинялся перед редактором за безграмотность. А в ответ слышал – твое дело добывать новости, мое, править.

Чего я только ни делал, чтобы писать «чище»! Дотошно сравнивал собственноручно написанные материалы с напечатанными в газете. Сверял окончания, порядок слов, пытался понять логику языка. Перед тем, как отнести статью в редакцию, звонил или заходил к кому-нибудь из знакомых эстонцев, чтобы вместе проверить ошибки. Эстонский язык стал для меня некой «навязчивой идеей», я вступил в спор и не хотел сдаваться.

Тем временем, мне открывались все новые стороны языка – я отучился на курсах секретаря-делопроизводителя, а также один семестр в местном техникуме на специальности «энергетика». В первом случае мне пришлось сильно постараться, чтобы печатать столько-то знаков в минуту – латиницей, а в техникуме «бодаться» с технической терминологией – опять же, на эстонском.

К этому добавились первые опыты перевода эстонской поэзии – эгофутуриста Х.Виснапуу, для которого музыка в стихотворении была превыше формы; В.Луйк, ведущей представительнице легендарного поколения шестидесятников; Д.Каревой, воспевавшей романтическую любовь и обращающейся к общечеловеческим истинам в сборниках 1980-х годов. Речь идет именно об «опытах», так как это были посредственные переводы, которые помогли мне, прежде всего, духовно и эмоционально, и только потом технически. Все больше и больше я чувствовал, что мне одинаково интересно то, что связано с русской и эстонской культурой и традициями. Россия подкупала широтами и богатством выбора, Эстония, лаконичностью.

Я очень долго не понимал русской поэзии – вплоть до окончания школы. Маяковский мне был интереснее Пушкина – потому что Маяковский «ершистый», а Пушкин, «причесанный». «Классический» означало для меня «правильный», и мне казалось, что идеальные столбики «сжирали» 90% мысли поэта. Вот почему Маяковский был мне ближе Пушкина.

И, наверное, по этой же причине я сразу полюбил Блока – так как символизм позволял «дорисовывать» то, что оставалось за точкой или многоточиями.

Эстонскую поэзию принял безоговорочно. Возможно, потому, что начал ее читать не по указке учителя, а самостоятельно, и притом, имея за плечами преодоленный опыт понимания русской поэзии. «Младозстонцев» я обозначил для себя золотым временем эстонской литературы, а шестидесятников, соответственно, «серебряным». Все как в русской литературе – только эстонская словесность вместила 300 «русских» лет в один 20 век.

Конечно, это очень примитивные рассуждения, но так я и думал перед поступлением в Тартуский университет на отделение... эстонской филологии. Именно это сравнение побудило меня вникнуть глубже в историю обеих литератур. Получалось бесконечное рефлексирование, которое продолжается до сих пор. А ведь литература, это еще и образ мышления, то есть волей-неволей имеешь дело с контрастивным психоанализом. Дальше следует желание пристать к тому или иному берегу, определиться по этнокультурной линии, найти родственников «по духу». И что получается? Получается «шведский стол». Хочется совместить российскую щедрость духа и эстонскую выдержку.

Здесь можно задать вопрос: неужели в России мало вежливых людей или в Эстонии гостеприимных хозяев? Конечно, достаточно – и тех, и других. Однако русский человек все равно будет русским, а эстонец, эстонцем. Они будут отличаться.

Это является для меня самым большим открытием и самой большой загадкой. Так же как в детстве я думал о домашних животных, а сейчас о взаимоотношениях полов. Коты и кошки у меня ассоциируются с нежностью, а собаки, с верностью. Как тут быть? Без нежности и цветок увянет, а без верности нет дружбы. Можно ли всех людей разделить по признаку любви к собакам или кошкам? Ответа не знаю и сейчас, в свои неполные 27.

То же самое можно сказать о взаимоотношениях полов. Почему одни – мужчины, а другие – женщины? Разница обусловлена только физиологическим строением тех и других, либо мы абсолютно разные? Если «нет», то почему между этими двумя так много разногласий? Если «да», то почему нас так тянет друг к другу?

*Задаюсь уже давно
праздным, в общем-то, вопросом:
греческим, еврейским носом
попугай клюет зерно?*

(Борис Балясный, «Дискурсное»)

Проще будет ответить так: мы одновременно одинаковые и разные. Мы – это нежность и верность, мужчины и женщины, эстонцы и русские.

И все-таки, человека больше интересуют отличия – иначе, и не было бы споров. Константа не нуждается в доказательствах, а отличия вызывают к аргументам. Учась пять лет в университете, общаясь с ребятами разных специальностей, постоянно встречаясь с эстонскими и русскими литераторами, путешествуя автостопом по всей Эстонии, работая несколько лет на русскоязычной радиостанции, просматривая ежедневно всю прессу на эстонском и русском языках, можно обнаружить, что эстонцы и русские делают вместе, но по-разному.

Молодежь активно эксплуатирует Интернет, в том числе услуги общения в режиме «онлайн». Вот только эстонцы предпочитают пользоваться службой MSN, а русские больше привыкли к «аське». Как-то я решил пожурить своего редактора эстонских текстов:

– Что-то тебя давно за компьютером не было видно!

А она в ответ:

– Как так, я каждый день в сети, в MSN-е.

Мы бы так и не встретились, если бы Кятлин не заходила иногда в «аську». Но ее можно понять – все друзья сидят в MSN-е, а в «аське» в списке собеседников «одни русаки», как однажды пожаловалась она.

И еще. Эстонцы обожают русскую музыку! Я помню время, когда эстонские подростки переписывали друг у друга раскрученные хиты таких групп как «Руки вверх», «Демо» и «Вирс» – когда эта музыка была популярна в России. Среднее поколение слушает с удовольствием новые продукты русского рока: «Земфиру», «Би-2», «Сплин». Удивительное дело! Сколько раз было – голосуешь на дороге, тебя подбирает джип невероятно-последней модели, а в салоне звучит какая-нибудь красивая русская рок-баллада. Водитель, уловив во время диалога акцент, уточняет: «Русский?» После чего немедленно следует просьба рассказать, о чем эта песня, а потом, следующая – и так весь альбом.

Обратных примеров гораздо меньше. Местные русские не воспринимают всерьез, тех же эстонских рокеров, хотя существует немало любопытных музыкальных проектов данного направления – и не только на эстонском языке. Очевидно, здесь имеет место менталитет русской «великодержавности», а-ля «в одной Москве живет в 10 раз больше людей, чем во всей Эстонии». Конечно, статистика впечатляет, но и тут, и там можно сочинять музыку и стихи. К тому же всегда можно возразить известным «главное не количество», но что это изменит?

Я очень редко бываю в России, и каждый раз, уезжая оттуда, думаю, что, возможно, больше никогда не вернусь. А ведь это крайне интересно – «эстонский русский» встречается с «русскими русскими». Опять же, когда это происходит, любопытно анализировать отличия: сравнивать язык, поведение, мышление. Я знаю, что есть много людей, которым это все «до лампочки». И все-таки...

Самый «неудобный» для меня вопрос, когда я возвращаюсь, скажем, из Москвы – «А ты хотел бы там жить?» У меня нет ответа на этот вопрос. Но во время одной из поездок я подумал, что было бы в какой-то степени полезно пожить в России, хотя бы год. А пришел я к этому выводу, когда возвращался с Форума молодых писателей России. Мы вошли в метро вместе с Димой Новиковым и другими петрозаводскими ребятами и собирались ехать на вокзал. Обшарпанный пол подземки, разбитые светильники вдоль эскалатора, мусор на платформе, сквозняки... Казалось, всюду следует навести порядок. А в Эстонии иначе – цивилизация... Вот и разница. В одном месте нужно *создавать* порядок, а в другом, *поддерживать*. Если писатель признает себя творцом слова, то почему бы ему не быть и «творцом порядка»?

В России бардак оправдывают наличием свободного пространства. Говоря просто: если здесь что-то не получилось, можно оставить как есть, и попытаться сделать в другом месте лучше. Места ведь навалом! С другой стороны, если речь заходит о приграничных территориях, например, в Псковской области – готовы биться за каждый сантиметр земли!

Получается, если обладание властью тестирует расположенность людей к эгоизму, тогда обилие пространства делит их на ленивых и усердных. Может, поэтому многим гражданам претит мысль о вечной жизни?

А еще меня удивляет, когда собеседник рассматривает мои попытки самоопределения как некую проблему. Никакая это не проблема! Это всего лишь один из вопросов, с которым следует разобраться лично, найти приемлемый для себя ответ. Подобных тем очень и очень много. Мне кажется, от их количества зависит, насколько интересно человеку быть наедине с собой. Иногда в городе или магазине я могу случайно не заметить знакомого – настолько увлечен обдумыванием какого-нибудь вопроса. Взять, к примеру, связь времен и литературу.

Георгий Иванов называл свои стихотворения «кусочками вечности». Подобное отношение к художественному слову в определенной степени дисциплинировало автора – он сознательно работал для потомков. Логично, что с этой целью он должен был жертвовать прижизненной славой, а соответственно, и соглашаться на скромные заработки. Это, в свою очередь, оказывало воздействие на ежедневный рацион писателя, Г.Иванов был вынужден недоедать. А здесь прямая связь с физическим и душевным здоровьем, этим можно объяснить частые немощи писателя, пьянство и скандалы, которые он учинял, начиная с семьи, и заканчивая друзьями и коллегами по писательскому цеху. Работая в интересах будущего, Г.Иванов был обречен в настоящем.

Есть и другие, заставляющие задуматься, примеры: преуспевающие романисты или купающиеся в лучах славы поэты-новаторы. Снова и снова возникают споры о том, насколько эпатаж – не только лексический и стилистический, но и «структурный» – оправдан с точки

зрения теории литературы. Обычно, про авторов данного направления говорят: раньше получалось интересно, а последние книги оставляют желать лучшего. Так в России отзываются о творчестве Т.Кибилова и Л.Рубинштейна, а в Эстонии о С.Кивисилднике. Очень часто подобные оценки необъективны, просто все новое, когда-то становится привычным и ожидаемым. Однажды я обсуждал эту тему с эстонским поэтом Ааре Пильвом. Он сказал, что «невозможно каждый день совершать революцию». И с этим можно согласиться. Получается, актуальные «на сегодня» авторы в действительности выполняют черную работу: продемонстрировали новое отношение к тексту, несколько фокусов, и ушли со сцены...

Чей подход более благородный, честный и человеческий – авторов, придерживающихся концепции Г.Иванова или тех, кто жаждет славы «здесь и сейчас»?

И подобные вопросы подстерегают на каждом шагу. Вот некоторые из них: как семейный человек может совмещать зависимость и независимость от брачного спутника? Почему в сутках именно 24 часа, и это число нельзя менять по своему усмотрению? Почему скупой (читай: бедный) платит дважды за одну вещь, а богатые часто жалуются на неудачу? Почему политику «правых» принято считать прогрессивной, а страны с развитой экономикой находятся на карте мира слева? И так – до бесконечности...

Питерская художница Вероника Махтина однажды возразила мне, объяснив мои размышления тем, что я изначально «приграничный» человек. Я сказал, что Питер не менее приграничный город, чем Выру или Тарту. То же самое относится к другим крупным городам России – Москве или Екатеринбургу. «Конечно, – воскликнула Вероника, – такие города называл! Лучше искать примеры за Уральским хребтом, среди сибиряков». Но и там тоже «приграничное» общество! Как только ненец из фольклорного ансамбля начинает извлекать музыку на синтезаторе или включает телевизор – в этот самый миг он становится «приграничным» жителем. Можно сказать, все современное общество является «приграничным», и граница проходит буквально через каждого человека – до тех пор, пока существует выбор – выбор между традициями и новшествами, модой и классикой, натуральными продуктами и химией, городом и деревней, родным и неродным языком, коррупцией и честностью, семьей и работой... Чем больше таких связей, тем больше у каждого отдельного человека свободы и самостоятельности. Интеллигентный человек умеет аргументировать свой выбор, а не живет просто «по течению», принимая догму за истину.

То же самое относится и к русским в Эстонии. Если в некоторых вопросах необходимо принять жесткую позицию (выбор между «да» и «нет», «черным» и «белым»), то в данном случае мне представляется уместным поиск «золотой» середины между двумя народами. Поэтому меня всегда настораживала приставка «русский» в названии некоторых общественных и политических организаций Эстонии, как будто подчеркивающая уникальность и превосходство одного народа над другим. Если, скажем, название газеты выведено кириллицей – и так понятно, что это русская газета, а не эстонская. И потом –

зачем обособливаться? Эстонцы всегда интересовались местной русской и соседней, российской, культурой. Делали они это под давлением или добровольно – тема, не имеющая отношения к настоящему эссе.

В общем, повторюсь, я убежден в том, что в межнациональных и -культурных отношениях «двухцветный» взгляд просто недопустим. Это значит, что помимо традиционно-го поиска «союзников» – среди эстонцев или россиян – русские в Эстонии могли бы разработать и сформулировать систему взглядов об особенностях собственного положения. Среднее поколение эмигрантов успело за 20-25 лет пребывания в Эстонии освоиться и привыкнуть к местным реалиям. Они могут не знать эстонского языка, но калькировать эстонский синтаксис и употреблять в разговорной речи некоторые эстонские слова, вроде: «цена с кяйбемаксом» (цена, включающая НСО), «около каубама» (то есть, «универмага»), «хелькур» (т.е. «отражатель»). Тем более, это относится к поколению, родившемуся в Эстонии, с самого начала соприкасавшегося с культурой и обычаями эстонцев. Я принадлежу к этому поколению.

Когда весной 2003 года у меня с друзьями-переводчиками появилась возможность основать первое в Тарту литературное объединение молодых русских литераторов, нам удалось уйти от приставки «русский», дав название на двух языках: «Tuulelohe – Воздушный змей». Благодаря этому, мы заявили о себе еще и как первое двуязычное лито Эстонии. Вроде бы, вполне простое решение, но как хорошо оно было воспринято в эстонских и русских литературных кругах страны. Эстонские журналисты обращались к нам по первой половинке названия, а русским было удобно произносить «воздушный змей». Именно так это и было задумано.

*Причислять себя к эстонцам – родной язык русский.
Причислять себя к русским – не тот темперамент.
Называть себя европейцем – привилегия избранных.
Гражданином мира – слишком абстрактно.*

*Остается быть просто человеком.
Но поймут ли?*

(Игорь Котюх, «Попытка идентификации»)

Во вступлении к моему первому сборнику стихов проживающий в Таллинне поэт и переводчик Борис Балясный написал в числе прочего следующее: «Запутавшись в попытке классифицировать этого автора по культурно-языковой принадлежности, можно было бы пошутить, что он самый эстонский из русских и самый русский из эстонских писателей».

Кто-то, может, подумает, значит нет у человека чувства родины, «ни рыба – ни мясо». В том и дело, что феномен «приграничья» невозможно заключить в одно предложение или формулу. Это явление-осьминог, полное противоречий, но имеющее свою собственную фактуру, эстетику, миропонимание. Выражаясь общими категориями, можно сказать, приграничье в культуре служит на благо ДВУХ культур. И если это так, эстонские журналы могли бы наравне с публикациями европейской литературы отводить место под переводы В.Аксенова, В.Маканина, Ф.Искандера, В.Павловой, Б.Кенжеева, Г.Русакова, М.Амелина, а российские издательства перенимать опыт корректного ведения дел у эстонских партнеров.

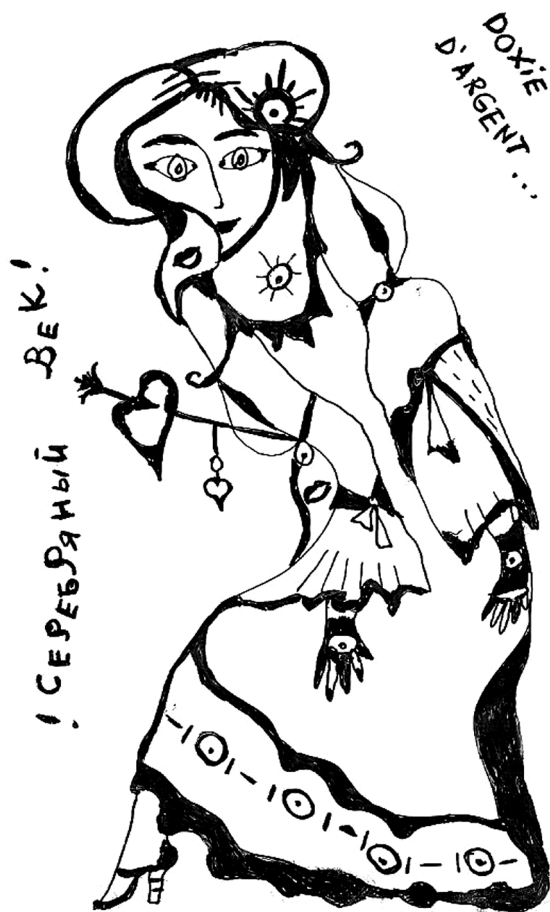
«А напоследок я скажу...» Приграничье не терпит стереотипов. Эстонцы и русские, безусловно, имеют разный менталитет, потому что каждый народ породила своя история. А смеяться над историей настолько же нелепо, как пытаться выяснить, почему у человека два уха и только один рот. Хотя, говорят, и это имеет свое значение – в том числе для этих наших рассуждений о коммуникации эстонцев и русских, как и вообще, любых других народов и культур.

2-12.02.2005, Тарту

DOXIE

Виноград

Серебряный век

Тотемы

Встреча двух ангелов, большого и малого

Продавщица птиц

Танец с птицей

Амазонка

<i>Поэзия</i>	11
Даниил Попов	11
Регина Проскура	19
Green S. Key	25
Doxie	29
Игорь Котюх	39
Ирина Мелякова	49
Алька	59
 <i>Проза, драматургия</i>	63
Green S. Key. Немое кино. Прозаические кадры-миниатюры	63
Татьяна Лаврова. Он был	71
Даниил Попов. Твари	87
 <i>Переводы</i>	93
История Туммала. Комментарии и перевод с шумерского Владимира Сазонова	93
Топор для Нергала. Комментарии и перевод с шумерского Владимира Сазонова	95
 <i>Публицистика</i>	99
Игорь Котюх. Эстонцы и русские	99
 <i>Галерея</i>	109
Doxie	109
 <i>Лито «Воздушный змей»</i>	119
Хроника	119
Участники	123

ХРОНИКА

1 февраля 1999 – В газете «Русский почтальон» (в то время так назывался понедельничный выпуск «Молодежи Эстонии») опубликована статья поэта и переводчика Бориса Балясного «Перевод с эстонского, или Место русского литератора в культуре Эстонии». Автор пишет о нераскрытом потенциале эстонской русской литературы и объявляет об открытии в Таллинне Литературно-переводческой школы-студии. Присоединиться к школе-студии может любой желающий, пройдя творческий конкурс.

Вскоре после публикации было организовано две группы: в Таллинне и Тарту.

В университетском городе одними из первых стали переводить студент-историк Владимир Сазонов и студент-математик Валерий Коорт.

Январь 2000 – К школе-студии присоединяется свободный журналист и будущий студент эстонской филологии Игорь Котюх.

1 сентября 2000 – Программа школы-студии получила одобрение Тартуского университета. Борис Балясный в течение года еженедельно приезжает в Тарту, чтобы проводить занятия. Группа из 10 студентов переводит эстонские сказки.

Октябрь 2001 – Под эгидой школы-студии выходит двуязычный сборник эстонских сказок «Loe veel! – Почитай еще!» (*Tartu Postimees 30.10.2001*)

Этой же осенью начинается работа над следующим переводческим проектом школы-студии «Кассетное поколение эстонской литературы». В Тарту сформировался костяк молодых переводчиков, пробующих свои силы в литературе. Борис Балясный предлагает авторам регулярно собираться вместе, чтобы обсуждать творчество друг друга.

Весна 2003 – студент эстонской филологии Игорь Котюх обсуждает с коллегами-переводчиками возможность открытия в Тарту литературного объединения.

31 марта 2003 – В 228 аудитории главного корпуса Тартуского университета состоялось учредительное собрание двуязычного литературного объединения «Tuulelohe – Воздушный змей». На встрече присутствовали: Владимир Сазонов, Валерий Коорт, Игорь Котюх, Марина Кузмина, Ирина Мелякова, Алька (Александра Заверюха). Еще несколько человек поддержали идею заочно.

Обсудили план дальнейших встреч, председателем лито выбрали Игоря Котюха. Заслушали два сообщения: доклад Владимира Сазонова об опыте перевода шумерских эпосов и составленный Игорем Котюхом обзор русских литературных журналах Эстонии. (*Tartu Postimees 31.03.2003, Postimees 31.03.2003, Молодежь Эстонии 11.04.2003*)

14 апреля 2003 – «Воздушный змей» переехал из университетской аудитории в тартуский Дом писателей. Участники лито договорились встречаться каждые две недели. Первую встречу в новом месте посетила Каукси Юлле. Газетный анонс о смене адреса привел в лито двух новых участников – автора детских детективов Ингу Иванову и поэта Doxie. Это первые «взрослые» члены лито. (*Tartu Postimees 10.04.2003*)

9 мая 2003 – Тарту, фестиваль улицы Ванемууйне. Первый литературный вечер лито «Воздушный змей», совместно с эстоноязычным лито *Erakkond*. Русские и эстонские тексты звучат вперемешку.

25 мая 2003 – Лито «Воздушный змей» открылось в Интернете. Администратором сайта *www.tvz.org.ee* стал свободный фотограф Дмитрий Котюх. Партнеры Дмитрия из студии W-Design (Хельсинки) в качестве подарка выполнили дизайн сайта.

5 ноября 2003 – I Республиканский вечер молодых русских писателей Эстонии. На сцене столичного Союза писателей выступили: сетевой проект «Современная литература в Таллинне» (СЛТ) и лито «Воздушный змей». Название вечера «В гостях у Слова», девиз «Periculum in mora» (Опасность в промедлении). «Воздушный змей» читал в следующем составе: Владимир Сазонов, Игорь Котюх, Даниил Попов, Марина Кузмина. Мероприятие стало заметным событием в культурной жизни Эстонии и положило начало дружескому партнерству между авторами СЛТ и ВЗ. (*Эстония 6.11.2003, Молодежь Эстонии 7.11.2003, Эстония 14.11.2003, Sirp 21.11.2003*)

21 ноября 2003 – На очередной встрече ВЗ к лито присоединяется Green S. Key. Новый участник пишет стихи, прозу, выступает в рок-группе и учится на русской филологии.

Весна 2004 – Эстонские литературные журналы публикуют в эстонских переводах произведения участников ВЗ. (*Vihik №6, 2004, Vikerkaar №3, 2004*)

17 апреля 2004 – II Республиканский вечер молодых русских писателей Эстонии. Мероприятие прошло в тартуском Доме писателей и было приурочено к первому дню рождения «Воздушного змея».

Вечер назывался «Витраж из слов». Вместе с «Воздушным змеем» выступили СЛТ и «Балтийский творческий портал» (Нарва). Виновника торжества поздравила эстонская актриса Мегса, спевшая на южноэстонском диалекте несколько баллад из репертуара группы «Любэ». Мероприятие запомнилось уютной атмосферой, обилием выступающих и полным аншлагом. (*Tartu Postimees 20.04.2004*)

Май 2004 – СЛТ выпустила литературный сборник «Культура Эстонии. Мост. Таллинн». Один из авторов сборника, Николай Лукас, выступая с обзором молодой литературы Эстонии, одним из первых анализирует творчество участников ВЗ.

Июль 2004 – Одни из первых участников лито Валерий Коорт и Юлия Барсукова покидают ВЗ, решая в пользу самостоятельных проектов.

18-22 октября 2004 – Игорь Котюх принимает участие в работе 4 Форума молодых писателей России (Москва, Липки). Начинается сотрудничество ВЗ с молодыми писателями из России.

На сайте лито открывается рубрика «Молодые писатели России», в которой публикуются произведения Дмитрия Новикова, Игоря Белова, Анастасии Дорониной, Ербола Жумагулова, Татьяны Перцевой, Александра Переверзина и др. Нередко произведения названных авторов появляются на сайте ВЗ до их публикации в московских «толстых» журналах.

Начало ноября 2004 – К лито присоединяется поэт и русский филолог Регина Проскура.

13 ноября 2004 – III Республиканский вечер молодых русских писателей Эстонии. На этот раз мероприятию прошло в Нарве, в баре «Ро Ро». На вечере «Осенний марафон» свои новые произведения читали: «Балтийский творческий портал» (Нарва), СЛТ, ВЗ и поэтический клуб из Кохтла-Ярве. (*Нарвская газета 19.11.2004*)

3 декабря 2004 – Руководитель «Балтийского творческого портала» Сергей Гвианидзе объявляет о том, что проект заморожен. Отныне авторы БТП выступают самостоятельно, «без крыши».

Январь 2005 – Первая книга участника ВЗ. В издательстве «Нита» вышел сборник стихотворений Игоря Котюха «Когда наступит завтра?»

22 февраля 2005 – Открылась библиотека ВЗ. Это стало возможным благодаря частной инициативе московской поэтессы Анастасии Дорониной и издателя Дмитрия Кузьмина.

Фонд новой библиотеки составил почти 80 томов (15000 страниц) и стал одним из лучших собраний современной русской поэзии и эссеистики в Эстонии.

Книги хранятся в тартуском Доме писателей, с каталогом можно познакомиться на сайте ВЗ. (*Tartu Postimees 23.02.2005*)

5, 6 мая 2005 – В Тарту проходит международный литературный фестиваль «Prima Vista». Лито «Воздушный змей» входит в оргкомитет фестиваля, планирует русскоязычную часть программы, является медиа-партнером мероприятия.

На состоявшемся 5 мая литературном вечере «Воздушные слова» выступили: Нора Яворская (Санкт-Петербург), Борис Балясный (Таллинн), Игорь Белов (Калининград), Игорь Котюх, Dohie, а также рок-фолк-группа «СайгонЪ» (Таллинн). (*Tartu Postimees 6.05.2005, Postimees 7.05.2005*)

14 мая 2005 – «Воздушный змей» выступил на Дне поэзии Причудья (Муствеэ).

28 мая 2005 – IV Республиканский вечер молодых русских писателей Эстонии. Очередь проводить мероприятие снова вернулась к СЛТ. Вечер прошел в таллиннской картинной галерее «Kalegi» и назывался «Обретенный рай».

Авторы СЛТ, ВЗ и бывшего БТП снова читали вместе.

Незадолго до этого в СЛТ произошел внутренний конфликт, в связи чем мероприятие не удалось организовать должным образом.

Июнь 2005 – СЛТ реформируется и становится «Углами».

9 ноября 2005 – V Республиканский вечер молодых русских писателей Эстонии. «Углы» исправляют ошибки СЛТ и проводят в Союзе писателей показательный литературный вечер «Улучшенный рай». (*Молодежь Эстонии 4.11.2005, 15.11.2005*)

Декабрь 2005 – Вышел очередной авторский сборник участника лито. Dohie «Синяки под луной» (издательство «Bookmill»)

Декабрь 2005 – Лито «Воздушный змей» выпустило одноименный альманах. В книгу вошли произведения почти всех участников объединения. Длинная проза Инги Ивановой и эстонские стихи Марины Кузминой заслуживают внимания, однако не вписались в концепцию издания. Эти и другие произведения можно прочитать на сайте ВЗ.

Хронику составил Игорь Котюх, декабрь 2005

УЧАСТНИКИ

Предлагаем ответы на вопросы анкеты, составленной самими участниками на одной из встреч в декабре 2004 года.

ИГОРЬ КОТЮХ

Заполнено 15.12.2004

Когда Вы написали свой первый литературный – или вообще – текст, и как окружающие к нему отнеслись?

Первый более-менее литературный текст, стихотворение «Смысл одиночества», был написан в 2000 и напечатан в уездной газете г. Выру.

Что читаем?

Читаем много чего и делаем это постоянно. Сейчас на столе Ходасевич, Олейников, Арсений Тарковский, «Битые собаки» Крячко. Чуть раньше были Г.Иванов, Т.Бек, сборник японской лирики, Я.Каплинский.

Что пьем?

Газировку с лимоном.

Что вы считаете самым большим достижением в своей жизни?

То, что однажды появился на этой земле...

А что Вы вообще пишете?

Преимущественно стихи и публицистику. Пытаюсь развить жанр эссе (эссе+поэма).

Что вы считаете самым большим НЕДОСТИЖЕНИЕМ – грандиознейшим провалом в Вашей (молодой) жизни?

Хитрый вопрос, отвечу хитро – ничего.

Любимые авторы?

Их много, и они постоянно меняются. Из более-менее константных фигур назвал бы следующие имена: Ахматова, Блок, Балясный, Хег, Карева, К.Эхин.

Как Вы относитесь к юмору?

Очень хорошо, если не считать юмором передачи вроде «Кривого зеркала». А так – чтобы смеяться до слез...

Зачем Вы здесь (в лито)?

Чтобы общаться и учиться.

А что ни в коем случае не читаем?

Даже не знаю...

Откуда Вы (генеалогия)?

Родился в Эстонии, г. Выру, с 2000 года обитаю в Тарту. Отец русский, мать украинка, но они тоже выросли в смешанных семьях. В нашем роду течет славянская и эстонская кровь, фамилия происходит от донских казаков.

Ваш девиз?

Обузданная экспрессия.

ИРИНА МЕЛЯКОВА

Заполнено 14. 12. 2004

Когда Вы написали свой первый литературный – или вообще – текст, и как окружающие к нему отнеслись?

Написала свой первый литературный – или вообще – текст лет в 11, совершенно случайно. Понравилось самой. Отправила в газету «Искра» (вроде так называлась), пришел положительный ответ. Сочиняю по настроению, с перерывами.

Что читаем?

Читаю то, что отвечает настроению на данный момент, не люблю фэнтези, хотя может еще не доросла. Люблю печальные концовки.

Что пьем?

Жидкости, люблю молочные коктейли и вообще все смешанное, не люблю кофе, особенно заварной.

Что вы считаете самым большим достижением в своей жизни?

Оно еще впереди.

А что Вы вообще пишете?

Пишу себя.

Что вы считаете самым большим НЕДОСТИЖЕНИЕМ – грандиознейшим провалом в Вашей (молодой) жизни?

Ой, я вообще-то счастливая... как говорится, кто не падал, тот не поднимался, поэтому не могу ничего назвать полнейшим провалом.

Любимые авторы?

Меняются периодически. Нравится короткая проза Лилли Промет, люблю Моэма, и с миру по нитке. Шучу. Трудно сразу определиться.

Как Вы относитесь к юмору?

Очень люблю юмор.

Зачем Вы здесь (в лито)?

Чтобы впитывать эмоции, развиваться, общаться, искать себя.

А что ни в коем случае не читаем?

Не люблю пошлые комиксы.

Откуда Вы (генеалогия)?

Эстония.

Ваш девиз?

Много их у меня, в зависимости от настроения. Я вообще люблю собирать фразы.

Цепляющие.

Очень нравится сократовское: «В каждом человеке есть солнце, только дайте ему светить» и фраза В. Леви: «Выход из безвыходного положения там же, где и вход». Ой, много всяких девизов.

ДАНИИЛ ПОПОВ

Заполнено 15.12.2004

Когда Вы написали свой первый литературный – или вообще – текст, и как окружающие к нему отнеслись?

Когда-то очень и очень давно. Поэтому отнеслись к этому тексту скорее всего отрицательно. Я не помню. А первые стихи датированы 2002-м годом.

Что читаем?

Практически все. Лишь бы не очень тошнило.

Что пьем?

См. предыдущий пункт.

Что вы считаете самым большим достижением в своей жизни?

Рост 1 метр 87 при 53-х кг веса. Вы попробуйте, посмотрю на вас.

А что Вы вообще пишете?

Тексты, что еще можно писать.

Что вы считаете самым большим НЕДОСТИЖЕНИЕМ – грандиознейшим провалом в Вашей (молодой) жизни?

Родился.

Любимые авторы?

Чехов, Лесков, Вен. Ерофеев, Ю. Коваль, Баратынский, Г. Иванов, Бродский, Кибирев, Мандельштам, Кортасар, Беккет, Я, Пушкин.

Как Вы относитесь к юмору?

Лишь бы не очень тошнило.

Зачем Вы здесь (в лито)?

Лишь бы не очень...

А что ни в коем случае не читаем?

Л. Андреева, Пелевина, Коэльо, Павича, Вознесенского, Евтушенко, Брюсова, верлибристов, стихи.ру, проза.ру, себя.

Откуда Вы (генеалогия)?

Происхожу я из древнего и знатного.... (тьфу!) Из Кохтла-Ярве я, проблемы?

Ваш девиз?

Лишь бы не очень тошнило.

РЕГИНА ПРОСКУРА

Заполнено 14. 12. 2004

Когда Вы написали свой первый литературный – или вообще – текст, и как окружающие отнеслись к нему (если вообще отнеслись)?

В 14. К счастью, окружающие об этом не узнали.

Что читаем?

Книжки читаем. Умные и не очень. Предпочитаем те, которые не очень.

Что пьем?

Кофе.

Что вы считаете самым большим достижением в своей жизни?

Еще не достигнуто ничего, заслуживающего внимания. Как только достигну, обязательно сообщу.

А что Вы вообще пишете?

Стихи пишу. Письма пишу. В конспектах пишу. Неприличное. На полях.

Что вы считаете самым большим НЕДОСТИЖЕНИЕМ – грандиознейшим провалом в Вашей (молодой) жизни?

В Нашей молодой жизни не бывает недостижений и провалов!

Любимые авторы?

Не знаю. Честно.

Как Вы относитесь к юмору?

Отношусь.

Зачем Вы здесь (в лито)?

Ну, надо же с чего-то начинать. Чтобы занять наконец хоть какие-то достижения и недостижения в своей (молодой) жизни.

А что ни в коем случае не читаем?

Журнал Cosmopolitan и чужие письма.

Откуда Вы (генеалогия)?

Этот секрет. (Чтоб не растерять остатки загадочности)

Ваш девиз?

Все будет хорошо.

ВЛАДИМИР САЗОНОВ

Заполнено 23.12.2004

Имя?

Убил Медведя.

Когда Вы написали свой первый литературный – или вообще – текст, и как окружающие отнеслись к нему (если вообще отнеслись)?

Когда убил медведя. Окружающие сожрали его и сказали, что вкусный.

Что читаем?

Я убил медведя.

Что пьем?

Я убил медведя.

Что вы считаете самым большим достижением в своей жизни?

Как я медведя убил.

А что Вы вообще пишете?

О том, как я убил медведя.

Что вы считаете самым большим НЕДОСТИЖЕНИЕМ – грандиознейшим провалом в Вашей (молодой) жизни?

То, что я не убивал медведЕЙ.

Любимые авторы?

Мед-Вед Убитый.

Как Вы относитесь к юмору?

Я убил медведя.

Зачем Вы здесь (в лито)?

Потому что, я убил медведя!

А что ни в коем случае не читаем?

Про то, как я медведей убивал.

Откуда Вы (генеалогия)?

От убитого медведя.

Ваш девиз?

Убить медведя!!!!!!

DOXIE

Заполнено 14.12.2004

Когда Вы написали свой первый литературный – или вообще – текст, и как окружающие к нему отнеслись?

Первый свой лит. текст я написала в шесть лет – стишок «Винни-Пух и мухи», и окружающие, т.е. мама и папа отнеслись к нему вполне доброжелательно.

Что читаем?

О ужас, сейчас перечитываю раннего Достоевского!!! А вообще на чтение остается оч. мало времени.

Что пьем?

В последнее время – в основном, воду.

Что вы считаете самым большим достижением в своей жизни?

Увы, их, достижений то бишь, пока что не было, ни больших, ни маленьких.

А что Вы вообще пишете?

Стишки, прозу... а еще я рисую.

Что вы считаете самым большим НЕДОСТИЖЕНИЕМ – грандиознейшим провалом в Вашей (молодой) жизни?

Саму свою не очень молодую жизнь.

Любимые авторы?

Их очень много, а это значит, что ПО-НАСТОЯЩЕМУ любимых авторов у меня и нет... грустно!

Как Вы относитесь к юмору?

Хорошо. Только мой собственный юмор уж слишком «нуар».

Зачем Вы здесь (в лито)?

Чтобы лИтать и улИтучиваться!

А что ни в коем случае не читаем?

Много чего... Донцову, например. Или Жака Деррида.

Откуда Вы (генеалогия)?

Я родилась в России, а генеалогия моя крайне сложна... и не удержусь от клише – противоречива.

Ваш девиз?

???! (это и есть мой девиз).

ТАТЬЯНА ЛАВРОВА

Заполнено 20.12.2004

Когда Вы написали свой первый литературный – или вообще – текст, и как окружающие отнеслись к нему (если вообще отнеслись)?

Если не считать школьных сочинений, то моим первым литературным текстом были две части детективной повести «Искатели приключений», которые я написала в 10 лет. Моя мама отнеслась к ним с большим интересом и до сих пор ждет продолжения.

Что читаем?

Книги, журналы, газеты и разного рода надписи. Предпочтение отдаю вдохновляющей, интересной и расширяющей кругозор литературе.

Что пьем?

Негазированную минеральную воду, апельсиновый сок, какао, красное вино и зеленый чай.

Что вы считаете самым большим достижением в своей жизни?

То, что когда-то выбрала курс, которым сейчас иду. Я очень благодарна маленькой Тане Лавровой за то, что она так много мечтала и так много хотела, за ее веру в себя, оптимизм и жизнелюбие. Если бы в определенный момент жизни она не стиснула зубы и не объяснила себе, чего хочет от жизни, не представляю, чем бы я сейчас занималась!

А что Вы вообще пишете?

Пьесы, повести, сказки и рассказы для детей. А еще просто пьесы и просто рассказы.

Что вы считаете самым большим НЕДОСТИЖЕНИЕМ – грандиознейшим провалом в Вашей (молодой) жизни?

В разные годы жизни в этой категории появлялись разные события. В данный момент мне хочется оставить эту графу пустой. Провалы, безусловно, случались, но носили локальный характер, поэтому ко всей молодой жизни их сложно отнести.

Любимые авторы?

Джек Лондон, Виктор Гюго, Френсис Бернет... Их произведения в свое время были для меня чем-то вроде оазиса в пустыне и ассоциируются с теплым и розовым африканским закатом. Сначала была Френсис, потом Лондон, потом Гюго, а потом очень много мыслей и событий, которые сейчас кажутся чем-то единым, глубоким, ярким и родным. На фоне остальных авторов эти трое светятся особым светом. Может потому, что из детства? Я читала их запоем, одного за другим, от корки до корки. Иногда перечитывала. Книга Френсис Бернет – детской писательницы – попала ко мне в руки, когда мне было лет 8.

Как Вы относитесь к юмору?

С юмором! – А как еще можно к нему относиться? Вот только очень черный не люблю. Это уже не юмор, а садизм какой-то...

Зачем Вы здесь (в лито)?

Приятно, когда тебя понимают, поддерживают и создают возможности для роста и обучения. Я всегда стараюсь задерживаться там, где мне хорошо. – Мне очень приятно, что меня приняли, и я очень хочу быть полезной этому прекрасному объединению творческих личностей!

А что ни в коем случае не читаем?

Учебную литературу по информатике, физике и математике. Я бы очень хотела разбираться в этих науках, но, увы, мой поезд ушел и вернется не скоро... Надеюсь, потом, когда в учебных программах моих детей появятся эти предметы, попробовать еще раз вывести какую-нибудь важную теорему или гипотезу. Я не шучу!

Откуда Вы (генеалогия)?

Я родилась и живу в Таллинне. Очень хочется что-нибудь добавить, но сестра таланта мешает.

Ваш девиз?

Никто не застрахован от успеха!

АЛЬКА

Заполнено 3.08.2005

Когда Вы написали свой первый литературный – или вообще – текст, и как окружающие к нему отнеслись?

Где-то лет в 8-9. Мама-филолог тогда раскритиковала за безграмотность. Может быть поэтому долгое время писала скрытно, никому не показывая. Из упрямства.

Что читаем?

Честно говоря, зачастую – что под руки попадет. Под настроение.

Что пьем?

См. предыдущий пункт :)

Хотя здесь уже чуть поразборчивей.

Что вы считаете самым большим достижением в своей жизни?

Достижением?.. То есть тем, что получил в результате обдуманных действий? Тогда это чувство, что занимаюсь в жизни своим делом: есть, куда стремиться, и есть, куда возвращаться, – надежный тыл. А еще, может быть, смелость не делать того, что считаю неправильным. К ней действительно долго шла.

А что Вы вообще пишете?

Пишу в основном коротко: стихи, рассказы – на что времени хватает. Есть наброски длинных вещей, но все никак не удается довести их до ума.

Что вы считаете самым большим НЕДОСТИЖЕНИЕМ – грандиознейшим провалом в Вашей (молодой) жизни?

Недостижение и провал – не одно и то же. В недостижении есть стремление, надежда. Таких вещей много: то, что недоделано. То, над чем работаю (в большей или меньшей степени).

Провалов же... пожалуй, ничего грандиозного.

Любимые авторы?

Никогда не могла ответить на этот вопрос: всегда на память приходят разные имена.

Из последних увлечений: М. Семенова (ее исторические произведения, хотя и фэнтези тоже), Ги де Мопассан, Ю.Герман, Р.Бах...

Как Вы относитесь к юмору?

Зависит от юмора.

Зачем Вы здесь (в лито)?

Хороший вопрос. Пока не имеющий ответа.

А что ни в коем случае не читаем?

A priori – ничего. Не люблю предвзятости. Но выношу решение о том, стоит ли читать, уже с первых страниц: по построению предложений, по осмысленности написанного – стараюсь избегать откровенно глупых и неряшливых текстов. Верю в то, что хотя или нехотя, мы принимаем в себя частичку из всего, к чему пикаемся. Потому-то некоторых вещей касаться не стоит.

Откуда Вы (генеалогия)?

Ууууу... Это долгая история:

«Я из рода странников, калик перехожих...»

А если коротко, то родилась на Украине (именно «на», это теперь принято говорить «в»), выросла в Таллинне, а живу в Тарту...

Ваш девиз?

На данный момент для меня актуален такой:

«Всегда есть выход и всегда есть выбор».

GREEN S. KEY

Заполнено 26.11.2005

Когда Вы написали свой первый литературный – или вообще – текст, и как окружающие к нему отнеслись?

Думаю, что в еще в садике. Но не думаю, что это можно было бы назвать текстом.

Окружающие отнеслись с пониманием.

Что читаем?

Что задерживается в руках.

Что пьем?

Аналогично.

Что вы считаете самым большим достижением в своей жизни?

До сих пор удавалось избегать больших достижений.

А что Вы вообще пишете?

Хочется спросить: «Кто здесь?!»

Что вы считаете самым большим НЕДОСТИЖЕНИЕМ – грандиознейшим провалом в Вашей (молодой) жизни?

Не знаю, я не коллекционирую НЕДОСТИЖЕНИЯ.

Любимые авторы?

Те, которые нравятся в тот момент, пока их читаешь.

Как Вы относитесь к юмору?

С иронией.

Зачем Вы здесь (в лито)?

Хороший вопрос.

А что ни в коем случае не читаем?

«Руководство по ремонту атомных гидроэлектростанций».

Откуда Вы (генеалогия)?

Третья от Солнца планета.

Ваш девиз?

РХ.

